

***Город Бердянск.
Бердянский район.
Запорожская область***

Бердянск послевоенный.

Со времени освобождения города Бердянска (тогда г. Осипенко) от нацистской оккупации 17 сентября 1943 года прошло почти 75 лет. Естественно, за это время значительно изменился облик города. Это обусловлено не только тем, что увеличилось количество жителей в городе, но и тем, что за время оккупации было уничтожено много строений. Во многих печатных изданиях, в периодической прессе говорится, что жилой фонд был уничтожен на 83%. Иногда указываются другие цифры – 80%. Однако суть одна: в городе после войны осталось гораздо меньше целых домов, чем было разрушено и сожжено.

Я не стремлюсь указать точные даты восстановления зданий или постройки новых. Моя цель – показать, как выглядел город в то трудное послевоенное время.

В городе в довоенные времена было лишь пару десятков зданий с двумя этажами, да и то зачастую с низкими потолками. Строений с большим числом этажей что-то не припомню. Здания нынешнего педагогического университета, мельницы в Колонии и высотное здание в конце Слободки, где разворачиваются автобусы, были, наверное, самыми высокими в городе, не считая соборов. Тогда почему-то бытовало мнение, что строить высотные дома на песчаной почве нельзя.

Отступая с нашей местности, оккупанты сожгли много зданий, и, чтобы жить, люди восстанавливали свои дома, поэтому из развалин вытаскивали целевшие лутки, двери, оконные переплеты, доски полов и т.д. Приспосабливали под жилища различные вспомогательные помещения. Часто делали землянки и в них жили.

Многие улицы города выглядели не так, как сейчас. Если рассматривать проспект Азовский (ранее Ленина, а до того Сталина), первый его квартал, начинавшийся возле горы, был каким-то узким, на нем была лишь одна ветвь дороги для поездки с горы и на гору. С правой стороны, где четные номера домов, был небольшой двухэтажный домик (на снимке внизу). Если бы его сейчас можно было бы установить на том месте, где он был ранее, он стал бы как раз на дороге, по которой едут машины с горы. С правой стороны у самого спуска с горы был городской холодильник, здесь хранили лед, присыпанный опилками.

Далее следовали одноэтажные дома в полуразрушенном виде. Заканчивался квартал кирпичным зданием с фасадом, выходящим на юг, в нем позже разместился городской музей.

На площади, которую занимал Центральный рынок, уже в 1946 году не было даже строительного мусора от бывших здесь собора и административных зданий. Почти весь квартал вдоль улицы Свободы и частично вдоль проспектов Сталина и Труда стояло много деревянных будок, обращенных фасадом внутрь рынка. Они принадлежали колхозам района. Колхозы продавали в них свою продукцию, в основном зерно.

Вдоль Центрального проспекта рынок был огражден металлическим забором. Только в одном месте перед нынешним Дворцом культуры были въездные ворота.

Еще одни ворота были со стороны проспекта Труда. Они находились как раз в том месте, где теперь расположен въезд со шлагбаумом. На них стояла женщина с красным лицом. Если человек шел с грузом (явно продавать), она взимала с него небольшое местовое, кажется, 30 копеек. По рынку тогда не ходили и не брали плату с каждого продающего, как сейчас. Говорили, что у нее, когда она была молодой, муж был пожилой, а когда сама стала пожилой, второй муж был молодой.

Вдоль улицы Итальянской (тогда ул. Дюмина) в этом же квартале было одноэтажное длинное здание. В нем, а также в подобных строениях, прилегающих к проспекту Труда и центральному проспекту, располагался горпромкомбинат. Входы в него были со стороны рынка. В этом же здании, прилегающем к проспекту Труда, находился мебельный

магазин (слева на снимке сверху). Если человек покупал что-либо из мебели, например, тумбочку, небольшой столик, то обычно ему перевозили специализирующиеся на этой работе велосипедисты. Ставили на подножку велосипеда груз, привязывали его к раме веревкой и шли пешком с владельцем товара к его дому.

В 1950-х годах запретили этот вид транспорта: магазину стали давать автомашину для перевозки купленного. Велосипедисты приспособились и теперь. Они стояли с велосипедами в стороне, и лишь большие мотки веревки на велосипедах говорили о том, что это перевозчики.

В здании, находящемся со стороны проспекта Труда, была фотомастерская, где работал человек на протезе.

Примерно посредине здания горпромкомбината внутри рынка на некотором расстоянии от него был небольшой одноэтажный домик, в котором находился единственный в городе писчебумажный магазин, где можно было купить канцтовары и книги.

Перед ним со стороны центрального проспекта (тогда пр. Сталина) находились торговые ряды с длинными деревянными столиками и навесами, защищающими продавцов и их товар от жгучего солнца и атмосферных осадков. Здесь продавали сыр, молоко, яйца куриные, различные овощи, сырые и вареные котлеты. Масло продавали на фунты, каждый фунт масла был сделан в виде большой котлеты. Можно было здесь купить и американский паек, который поставляли США в наши войска по ленд-лизу.

Между рядами ходил человек, которого знали все продавцы на рынке. Пос-

ле окончания курения он бросал недогоревшие папиросы в карманы, огонь делал свое дело, а он ходил с прожженными карманами. Одежду не менял ни зимой, ни летом. Он был с некоторым сдвигом разума. Звали его Миша Орел, говорили, он когда-то служил на крейсере «Орел».

Как только его видели продавцы, сразу в спешке прятали свой товар под прилавком. Если кто-то из продавцов не успевал это сделать, Миша подходил к прилавку, хватал котлету, откусывал, а оставшуюся часть бросал над головой вверх или же макал палец в сметану и облизывал.

В конце одного из прилавков располагался приезжий гастролер – он за плату гадал на судьбу человека с помощью морских свинок. На прилавке перед ним стоял низкий деревянный ящик с ячейками, в которых были записки. Если нужно было погадать кому-либо, морская свинка по команде хозяйина обнюхивала все ячейки, потом вынимала из ящика зубами одну из записок, и хозяин читал запись о судьбе человека.

Время было тогда очень трудное, люди ходили голодные. Иногда можно было увидеть, как вдоль прилавков ходила женщина, останавливалась возле продающего сметану и просила капнуть ей немного на руку. Приняв серьезный вид, попробовав сметану, она говорила:

– Кислая.

Останавливалась возле следующей сметаны, попробовав, говорила:

– Немного кисловатая.

И шла дальше.

Так она обходила все прилавки. И в желудке уже что-то было. И была такая женщина не одна.

Возле торговых рядов находилась группа стоящих людей, которые держали на салфетках или на листах из капусты куски хлеба. Это продавали полученный по карточкам хлеб, чтобы на вырученные деньги можно было купить что-то другое.

Так было до реформы 14 декабря 1947 года, одновременно с которой проводился обмен денег в соотношении 1:10. Если раньше человек, например, зарабатывал в месяц 4500 рублей, то после нее – 450 рублей.

За зданием писчебумажного магазина также находились торговые ряды. Здесь продавали рыбу. Во время войны рыбу в море почти не ловили, поэтому ее в море было много. Рыба была крупная, в основном белуга, севрюга, стерлядь, камбала, бычки разных пород, сельдь (местное название, настоящее – шемая) и др. Была и тюлька: продавали не только свежую или соленую, но также и копченую. Ее коптили и продавали обычно на низках – это длинная, обычно с метр нитка, на которую была навязана мелкая рыбка. Рыбка была такая жирная, что с нее капал жир. Купил человек такую низку, а завернуть не во что. Полиэтиленовых мешочков, как теперь, не было.

Только отвернулся от прилавка, а тут женщина продает кулечки из газеты или крупноформатной книги. Человеку ничего не оставалось, как совершить покупку.

Такие женщины здесь кричали:

– Кому, кому кулечки?

Здесь же продавали сырые и жареные котлеты из небольшой колючей рыбки – ершей. Но кушать их нужно было очень осторожно, так как в котлетах было много острых колючек. Продавали и судак (местное название сула).

Относительно рыбы скажу следующее. Однажды Яков Иосифович Левин, основатель городского клуба садоводов-огородников, рассказывал, что после войны он работал начальником городского холодильника. Ему приходилось отгружать в вагоны-холодильники рыбу в Москву. В документации железной дороги было предусмотрено, что рыба отгружается уложенной поперек вагона (2,75 м). Но экземпляры попадались такие крупные, что их невозможно было уложить так, как указывалось в документации. Тогда давали телеграмму в управление железной дороги, чтобы разрешили укладывать рыбу вдоль вагона.

Моя жена Е.П.Лановейчик когда-то сама видела, что люди везли на тачке такую крупную рыбину, что хвост ее свисал и тащился по земле.

Напротив этих рядов, далее ворот, находилось кирпичное добротное здание, очевидно, уцелевшее с более давних времен, – туалет.

Перед ним в ряд сидели мужчины, иногда с деревяшкой вместо ноги, и продавали из сумочек стаканами махорку или табак. А ближе, перед ними, стоял на одной ноге и деревяшке без рубахи человек. Он был еще и без обеих рук. Голова его была лысая, круглая. Сам он не был худой. По всему было видно, что он был не простой человек, очевидно, командир. Иногда он просил кого-то, очевидно, человека, который за ним присматривал, чтобы тот дал ему выпить. Он выпивал водку из чужих рук, а через некоторое время начинал «подавать команды», призывая идти в бой. При этом нервно подергивал остатками рук и переваливался с ноги на деревяшку и наоборот, очевидно, боясь упасть. И так повторялось ежедневно. Вскоре его почему-то не стало.

Был еще на рынке газетный киоск, но газеты в нем разбирали быстро.

Иногда на рынке, то в одном месте, то в другом слышались выкрики:

– Кому воды холодной!

– Воды кому холодной!

– Рубль – от пуза!

Это кричали мальчишки, которые сновали по рынку с чайниками и кружками в руках. Они носили воду и продавали ее желающим пить. Как только вода в чайнике заканчивалась, мальчишка шел до водопроводной колонки за рынком и наполнял чайник.

С западной стороны рынка, на проспекте Труда, напротив нынешней налоговой инспекции была большая низменность, заполненная водой, а на территории рынка росли редкие камыши.

Квартал города, в котором сейчас находится горисполком, был совершенно свободным, только на его северной части было добротное кирпичное здание с крупными колоннами. Не помню уже, что в нем было. Люди называли это здание «Дом с колоннами».

В западной его части, прилегающей к проспекту Труда, почему-то была большая яма, внутри которой был рассыпан какой-то желтый порошок.

Я в это время проживал на Матрос-

ской Слободке. Иногда ко мне приходил Дмитрий Немировский, живший близко и работавший прорабом на строительстве здания горисполкома. Он тоже учился в институте заочно, и мы с ним консультировались по учебным вопросам.

Однажды он рассказал, что когда строили фундамент здания, вдруг выяснилось, что при разметке повернули фундамент на 180 градусов. Пришлось фундамент переделывать и доделывать.

Здания с башней, что напротив кинотеатра «Космос», где находится аптека, тогда не было, там были развалины (снимок вверху), а между ними почему-то валялись типографские машины.

Около здания на проспекте находился пьедестал, на котором когда-то стоял памятник. Он был огражден со всех сторон металлическими столбиками и металлическими цепями, за которыми росли кустарники.

Однажды мой брат Александр Иванович оставил здесь в кустах канистру, т.к. ожидал, что привезут сюда керосин, и отлучился, а ее украли. В городе газа тогда не было, а с углем и дровами были большие трудности. Поэтому все люди пользовались для приготовления пищи керосином, который заливали в примусы. Сейчас примус можно увидеть разве только в музее.

На месте нынешнего кинотеатра «Космос» находилось длинное одноэтажное здание (снимок внизу), в котором размещались фотография и еще что-то.

На противоположной стороне проспекта были развалины городского театра, который в XIX столетии городской голова Н.С.Кобозев построил по типу Одесского оперного театра. Он был в городе единственным крупным учреждением культуры. Сверху на уцелевших стенах его были рельефные выступаю-

щие надписи: «Драма. Опера. Комедия».

Со стороны площади в этом здании сохранилось одно помещение, в котором тогда был магазин «Охотник и рыбовод». Продавцом в нем работал некий Иван Яковлевич. Здание театра было настолько крепким, что в 1950-х годах стены его не могли разрушить, приходилось за перемычки на окнах заводить трос и дергать его трактором. Многие люди тогда говорили, что здание можно было бы восстановить.

Перед зданием стоял газетный киоск, возле которого всегда была очередь. Купив газетку, люди просматривали заголовки и спешили к рыбным рядам, чтобы продать газету людям. Одним из более активных читателей газет был Михаил Доля, ушедший в мир иной несколько лет назад.

Далее до самой Приморской площади шли горелки и небольшие дома. Здание школы № 2 было совсем иное. Автор этой статьи и его братья учились в ней.

Напротив школы, там, где теперь находится «Кристалл», в небольшом одноэтажном здании была хлебопекарня. Там всегда было видно работающих людей, шумело какое-то оборудование и очень приятно пахло хлебом, запах доходил до самой школы.

На переменах между уроками мы обычно бегали к открытому окну с металлической решеткой и просили жещин дать хотя бы кусочек хлеба. Иногда нам давали куски какой-нибудь некондиции. Мальчишки этот хлеб почему-то называли кинцом. Только мы прибежали в школу, к нам подбегало несколько соучеников и просили: «Дай кинца!».

Мы с жадностью кушали этот хлеб даже в начале урока, когда учитель отворачивался и писал на доске. Когда он поворачивался лицом к классу, мы закрывали рты с недожованным хлебом и делали вид, как будто мы внимательно слушаем.

За сквером на углу проспекта и улицы Пушкина были действующая баня и парикмахерская.

Три больших дома на Приморской площади на углу проспекта Азовского (тогда проспекта Сталина) и улицы Морской (бывшая Мазина) начали строиться в 1954 году. Разметку под фундаменты этих домов сделал геодезист завода «Азовкабель» С.А.Кириков. Парашютная вышка (на снимке справа) была демонтирована в 1955 году.

На другом углу проспекта Азовского и ул. Горького, если смотреть в сторону морского торгового порта, были развалины, среди которых виднелась кирпичная труба, на которой было написано: «Институт ФМЛ». Здесь до войны был корпус института физических методов лечения.

Далее в сторону порта тянулись обычные одноэтажные домики, чередующиеся с развалинами и горелками. В одном из этих домиков, находящемся во дворе, несколько дальше от дороги, проживала семья Ратманов. Хозяйка дома известна в порту и в городе – это Надежда Михайловна Ратман. У нее на квартире проживала сестра моей матери София Владиславовна Кравцова с ее мамой, то есть моей бабушкой Зинаидой Александровной Балицкой. Сюда мы приехали в начале октября 1946 года. Дом тогда имел номер 37.

Улица выглядела не так, как сейчас, она была другого вида примерно до середины квартала. Со стороны жилых домов на небольшом расстоянии от железнодорожных рельсов была бетонная стенка, поднимающаяся на высоту до уровня пола товарного полувагона. К ней примыкала рампа (площадка) для разгрузки, покрытая жужелкой. Оканчивалась она уклоном и сходила на уровень дороги. Она также была покрыта жужелкой. Здесь обычно выгружали военные гарнизона свою технику, выгружались и другие крупные грузы, прибывающие в город.

Море начиналось на центральном пляже несколько дальше, чем теперь. Сейчас оно «слизало» часть берега.

Парк имени П.П.Шмидта тогда назывался парком А.С.Пушкина. Он был огражден легким металлическим забором высотой в рост человека. В начале его, у проспекта Труда, были построены довольно красивые кирпичные сооружения с металлическими воротами, кото-

Пекарня на центральном проспекте.

рые часто мелькают в книгах о старом Бердянке. Были ворота и в конце парка.

Возле парка на площади была трибуна, где руководители города принимали парады. Построек различных, как сейчас, в парке не было, он был действительно парком отдыха. Лишь напротив нынешнего педуниверситета, немного восточнее, было два небольших домика, в которых размещался вначале музей города и еще что-то. Позже он перебазировался на улицу Свободы. На углу, в самом начале, возле проспекта Труда, была танцплощадка, где негромко играл духовой оркестр, а на площадке среди танцующих возвышалась голова и плечи Виктора Кандаля, как называли самого высокого человека в городе Виктора Петрищева.

Недалеко было небольшое здание насосной городской канализации.

В летнее время в город приезжали различные артисты, артистические группы, которые давали концерты на открытом воздухе в парке. Тогда в парк пускали лишь по купленным билетам, которые продавали у ворот. Но желающих посмотреть выступления и послушать артистов было много, поэтому большое количество людей стояло за забором. На это обратил внимание один из артистов, он крикнул:

«А через забор сколько!»

Все смеялись.

Однажды читал лекцию в службе новой техники завода «Азовкабель», где я работал, известный писатель и краевед Алексей Яковлевич Огульчанский. Он рассказывал о дневниках В.К.Крыжановского и упоминал парк А.С.Пушкина. Сказал, что когда-то здесь было болото с небольшими озерцами и росли камыши. Среди них были лишь тропинки, по которым можно было пройти. Однажды по ней шел пьяный дьячок, потом он повернул в сторону и упал, захлебнулся водой. После этого парк засыпали. Очевидно, это было написано в одном из утраченных дневников.

Огульчанский сказал, что здание педуниверситета строили братья Соловьевы, жившие на нынешней улице Горького. Кстати, на этой улице проживало много людей с «птичьими» фамилиями.

Немного западнее нынешнего «Кристалла», на том месте, где сейчас высотное здание с загсом внизу, было два или три одноэтажных домика. В одном

из них был городской Дом техники, который возглавляла бывший преподаватель машиностроительного техникума Екатерина Владимировна Зиньковская.

В другом домике находился городской вырезатель (на снимке внизу). Обычно здесь дежурили милиционер и несколько дружинников. Здесь «клиентов» раздевали наголо и помещали в небольшое помещение с решетчатой дверью. Включали воду, которая била небольшими струйками во всех направлениях. Человек крутил головой, искал направление, чтобы струйки воды не попадали ему в рот. Через некоторое время он приходил в себя.

Но однажды попался странный «клиент». Он не крутил головой, не разговаривал в «телевизоре», как называли это помещение. Он стоял, ухватившись руками за решетку, и невозмутимо говорил:

– Что, смеетесь, что меня сюда посадили! Я воды не боюсь, я водолазом работаю. Это моя стихия.

Иногда дежурил в вырезателе милиционер Любченко. И если в вырезателе был лишь один «клиент» или два, или не было ни одного, он садился в свой мотоцикл с коляской и уезжал, а через несколько минут привозил в коляске пьяного. Посадив его в «телевизор», он снова удалялся, и так несколько раз.

Пединститут тогда располагался в одноэтажном здании на углу Центральной и Итальянской, где теперь находится большое здание с абонентской службой и кассами для уплаты за коммунальные услуги.

На другом углу при пересечении этих улиц стояло большое одноэтажное здание с большим помещением, в котором

находился чертежный кабинет машиностроительного техникума. В периоды экзаменационной сессии в нем будущие выпускники техникума сидели круглые сутки и выполняли дипломные работы, готовясь к их защите. В прилегающих к зданию домам, входя с этого же двора, проживали с семьями преподаватели техникума В.К.Зиньковский, И.М.Пипич и М.Осадченко.

Сам же машиностроительный техникум находился примерно посередине этого квартала на улице Итальянской. В 1948-1949 гг. и раньше по обеим сторонам от входа во двор техникума располагались каменные львы. Потом они куда-то делись.

Автобусного движения тогда в городе не было. Если человеку нужно было уехать в район Кооптаха (теперь РТС) или в какое-нибудь село, он выходил к 9-й городской школе, где теперь начинается подъем на гору и вправо ведет дорога в больницу, и останавливался на «Хитрой» остановке. Водители грузовых автомашин знали, что их здесь ждут люди, и всегда останавливали машины. Обычно это были «полуторки» с навешенными на борта с помощью кронштейнов досками для сидения.

Рядом была деревянная будка, где узбек продавал сладости, и люди могли подкрепиться.

Междугородная автостанция находилась в небольшом одноэтажном здании на углу Западного проспекта (бывший проспект 12 Декабря) и ул. Свободы напротив мебельного магазина.

В здании, где сейчас находится горрайвоенкомат, был горисполком. Помню, как, если нужно было куда-либо поехать председателю горисполкома Зеликсону, он садился на линейку, она наклонялась, и возчик вез его по назначению. Тогда легковые автомашины были большой редкостью, и всех руководителей возили гужевым транспортом. Одно время в этом здании была и поликлиника. Под горой на территории городской больницы, перед теперешним моргом, стояли большие баки для нефтепродуктов, очевидно, поставленные еще братьями Нобель (снимок справа).

Описание нагорной части города я начну с подъема на гору. Подъем на гору и спуск с горы напротив Западного проспекта был лишь по одной ветке дороги, которая находится ближе к западу. Потом место вдоль дороги с восточной сто-

роны начали засыпать различным мусором. Здесь росло очень много грибов, в основном шампиньонов, и многие горожане в трудные годы ходили за грибами. Затем дорогу разровняли, укатали, сделали твердое покрытие, и с 1 мая 1969 года движение стало осуществляться по двум ветвям дороги.

Если подниматься вверх по средней горе, то с правой стороны под горой было какое-то питейное заведение. Здесь всегда было много людей. Однажды ночью вспыхнул пожар, и помещение сгорело. Говорили тогда, что это, наверное, сожгла его жена какого-то постоянного посетителя этого заведения.

Далее, выше, был стрелковый тир. А еще дальше – какие-то ямы, стены которых были бетонированные, и какие-то гнутые металлические столбы. Напротив этого места находился винзавод. На территории винзавода и была позже установлена телевизионная вышка.

Однажды по этой дороге на гору произошёл один неприятный случай. С горы ехала линейка: извозчик вез известного в городе судью. Вдруг, откуда ни возьмись, дорогу перелетала ворона. Находясь перед самой мордой лошади, она решила изменить направление своего полета. Произошел сильный хлопок при взмахе крыльев. Лошадь испугалась и рванула в сторону. Линейка перевернулась, и судья покатился с горы. Извозчик, житель Колонии, перепугался больше, чем его лошадь – ведь судья был инвалидом. Извозчику, возможно, грозило большое наказание. Он как-то поправил все, и поехали далее.

На следующий день рано утром извозчик был в военкомате, записался добровольцем и в тот же день уехал служить в армию.

В нагорной части города, там, где теперь большой блочный дом № 4 в начале Мелитопольского шоссе, ограниченными домами № 5 и 7 по улице Нагорной до ул. Ломоносова, находился мясокомбинат. Еще и сегодня во дворе этого блочного дома почва очень неровная, здесь находятся железобетонные плиты, верхняя часть которых – на уровне земли, старые фундаменты оборудования, битые кирпичи.

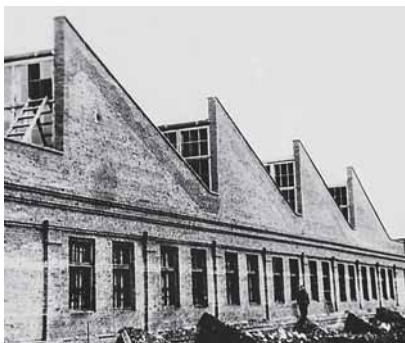
На части местности между улицами Ломоносова, Правды, Софиевской и Нагорной никаких строений не было. Здесь останавливались со своим скотом люди, пригонявшие его на мясокомбинат из села, и ожидали своей очереди. Началось здесь строительство где-то в 1959 году.

Дома по улицам Софиевской, 7 и Руденко были сданы для жилья в октябре 1961 года. Улица Руденко тогда называлась Керченской.

Строений, которые сегодня между улицами В.Довганюка (бывшая Орджоникидзе), Софиевской (бывшая Димитрова), Волонтеров (бывшая Пионерская) и проспектом Восточным (бывший Пролетарский), также не было. Здесь были остатки когда-то большого сада. В 1962 году и позже я ходил на эту площадь и за деревянным столиком, стоящим между фруктовыми деревьями, покупал здесь абрикосы.

Пустынным было и место, находящееся за ул. Волонтеров и до самой железной дороги. Здесь ничего не было, только позже начало строиться здание для противотуберкулезного диспансера. Здесь были остатки какого-то сада, и на них людям давали огороды. А западнее, у улицы Европейской (бывшая Кирова) начали строить первый многоквартирный дом в этом районе. Так совпало, что этот дом получил № 64, а построили его в 1964 году.

До механического завода (ранее завод № 49, позже – «Южгидромаш») казалось так далеко, потому что, когда поднимаешься на гору, никаких построек по сторонам не было. Только напротив завода было кирпичное здание, в котором находился магазин. За ним было разрушенное во время войны здание фабрично-заводского училища с глубоким подвалом. Дальше и севернее простиралось большое поле, засеянное пшеницей. И опять на пустыре вдалеке можно было видеть какую-то организа-

цию. Виден был и ходивший возле ворот сторож. Это на базе бывшего хлопкопункта начали строить завод стекловолокна (снимок сверху).

Дома на Аварийном поселке появились где-то в 1949 году. Далее снова было поле, засеянное пшеницей. Тогда моей матери иногда давали землю под огород за Коопхатом, и при сборе урожая мы ездили туда с повозкой.

Поселок был небольшим. Главный вход в него был с улицы Фестивальной. Если пройти по ней метров 200, то с левой стороны была башенка и кран с хорошей питьевой водой.

На поселке было лишь несколько небольших, примитивного строения домиков, а остальное – землянки.

Поселка АКЗ тогда не существовало. Лишь с левой стороны от дороги, вдалеке, со стороны Азовского моря в небольшой низменности был колодец, и возле него часто стояли лошади и коровы, их поили пресной водой. Слышал я от людей, якобы этот колодец существовал очень давно, и из него еще запорожские казаки пили воду во время походов.

Застраиваться тот район начал примерно в 1959 или 1960 году. В это время часто можно было видеть, как со стороны молодого и строящегося завода «Азовкабель» по тропинке среди пшеничного поля шли люди. Один нес длинную доску, концы которой вибрировали в такт шагам человека. Другой какой-то груз нес на спине или в руке.

Это люди правдами и неправдами добывали материалы для строительства – начинал строиться поселок АКЗ. Причем здесь начали строить вначале небольшие, частные дома. А большие дома и магазины появились позже.

Хочу немного остановиться и на Ко-

лонии. В Колонии в то время не было названий улиц – они именовались линиями. В Колонии было 13 линий. Например, улица Рудневой была линией № 1, Некрасова – 5-й, Герцена – 10-й. В Колонии было и три проезда, например, улица Мичурина. Это был 1-й проезд, улица Баха – 2-й, Бородина – 3-й. Кстати, это создавало определенные удобства при поиске, если человек находился, например, на 7-й линии, а ему нужна была 4-я линия, то он знал, куда ему нужно идти. При существовании улиц еще нужно узнать, где она находится, а если она маленькая и отдаленная, то многие и не знают ее.

Рыболовы на дамбе возле улицы Горького. Осень 1951 года.

В послевоенное время в лиманах за 3-м проездом люди добывали соль и везли ее тачками.

Моя теща К.И.Скрылева рассказывала, что она жила между 4-й и 5-й линиями, а недалеко от них проживали немцы Бехи. Домик Бехов сохранился и до настоящего времени. Они мало общались с людьми. Иногда куры родителей заходили на огород Бехов. Однажды немка сказала:

– Хозяйка, ты не карош – твой кур мой щавель поел.

Сама Колония была покрыта виноградниками и плодовыми деревьями. В ней выращивали очень вкусные «колониские» помидоры.

Если проехать по мосту на Петровском спуске (кстати, он был построен по проекту Г.И.Панафутина одновременно со строительством железнодорожного вокзала) и проехать несколько километров, а затем пройти направо, спуститься

к морю, то мы попадем на Дальние Макорты, пригород Бердянска. Здесь расположены под горой небольшие домики жителей. Дальше идут сплошные камыши, залитые водой.

Дорога, идущая по низменной части Дальних Макорт вдоль нагорной части, уже в конце 1980-х годов была залита водой. В нагорную часть не было дороги, а дорога, ведущая из города в Новопетровку, не была с твердым покрытием. Моста в Новопетровку еще не было. Поэтому местные жители стремились к автономии. Еще в 1980-х годах я видел на Дальних Макортах разрушенное кирпичное здание местной школы. Склон, ведущий с нагорной части к подножию горы, был покрыт остатками виноградников. К.И.Скрылева рассказывала несколько раз, что большой площадью виноградников здесь владел когда-то иностранный подданный перс (очевидно, иранец) Казар. Об этом я слышал и от других людей.

Дорога в город, ведущая по нагорной части через Петровский спуск, была с твердым покрытием, построена где-то в 1970-е годы, до этого была грунтовая. Очевидно, это и послужило причиной того, что в непогоду трудно было добраться до городского кладбища, поэтому несколько жителей Дальних Макорт были похоронены в нагорной части напротив поселка на неофициальном кладбище.

В послевоенное время иногда местные рыболовы, чтобы наловить пресноводной рыбы или раков, ходили на лиман реки Берды. Ходил и я. Иногда я туда направлялся с другом и соучеником по машиностроительному техникуму Ю.И.Антоненко. Часто он ездил на велосипеде «Diamant», а я ходил пешком. Нужно было пройти по первой линии, через Ближние Макорты, через большую песчаную равнину между озерами. Иногда приходилось снимать обувь и почти по колено проходить по воде. Затем проходили мимо охотничьего хозяйства и оказывались у лимана. Слева оставался единственный домик, в котором жил некий Микула.

Позже, в конце 1940-х годов или в начале 1950-х, в этих местах добывали черный песок. Брели песок из почвы совковыми лопатами, бросали в деревянный наклонный желоб. Другая женщина зачерпывала в ополонке ведром воду и выливала в желоб на песок. В это время песок перемешивали лопата-

ми, вода стекала вниз с желтым песком, а черный песок, как более тяжелый, оставался в желобе. Его собирали, грузили в автомашину и увозили.

Позже стали добывать черный песок машинами. Добывали его из глубоких ям, заполненных водой, толстыми гибкими шлангами. Затем местность разровняли. Сейчас на том месте находится садово-огородное товарищество «Гроно».

Рыбу на Сладком лимане ловили сетками. Так как глубина здесь была небольшая, сетку тащили за палки два человека. Вытаскивали к берегу, а в сетке с матней (сужающийся колпак сетки, которым она заканчивалась) были линь, карась, вьюны, красноперки, раки.

Никакого моста для перехода через речку не было. Летом люди, идущие в Новопетровку или обратно, дойдя до гирла, раздевались до пояса и, держась за стальную толстую проволоку, переходили на противоположный берег. Для этого по обеим сторонам лимана были вкопаны в землю куски рельсов и между ними протянута проволока. Течение же воды было довольно сильным.

Рассказывали, что после сильного дождя одна женщина отпустила как-то руку от проволоки, и ее понесло водой в море, где она и утонула.

Пригород города Лиски был примерно таким, как и сейчас, только реже стояли жилые дома, и морской берег находился дальше. В начале Лисок располагался военный госпиталь.

Примерно так же выглядела и Матросская Слободка, только не было больших домов и они были гораздо реже. Дороги были не мощеными, вывоза нечистот тогда не было. Поэтому местные жители всегда выливали рассол из рыбы, в основном бычков, на дорогу. И когда человек проходил по поселку, всегда чувствовался запах рассола. На улицы люди высыпали и мусор в различные ямки, утрамбовывали его.

Когда на курорт начали ходить автобусы, они ездили по одной улице туда и обратно, по улице Толстого.

Питьевую воду люди брали в колодцах. Один из них был во дворе шестой школы, а второй – в конце Слободки возле нынешней автобусной остановки. Колодцы эти были выкопаны на месте когда-то существовавшей здесь речки. Существование ее сказывается и по настоящее время: на улице Мичурина, на-

Елена Владиславовна и Сергей Трифонович Николаевы возле беседки на Дальней косе. Лето 1951 года.

против школы № 6 у железнодорожного переезда, всегда после дождя и даже в сырую погоду стоит вода. Здесь на улице Набережной был еще один ряд домов, однако он снесен во время шторма. Море забирало берег, доставляло беспокойство жителям, что и явилось причиной построения на Слободке дамбы, которой ранее не было. Канализации на Лисках и на Слободке не было, как нет и сейчас.

На Бердянскую косу дороги с твердым покрытием не было. Если на Ближнюю косу еще можно было как-то проехать, то дальше люди шли пешком. Единственным транспортом на косу была полуторка (грузоподъемность грузовой автомашины 1,5 т), которая возила людей на работу в цех № 5 рыбозавода и жиромучной завод, находящиеся на острове Дзэндзик. После работы людей забирали в город этой же автомашиной.

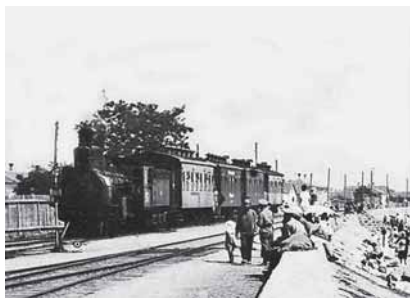
Ехали на косу следующим образом. Машина с трудом пробиралась по песчаной дороге. Как только машина въезжала в зыбучий песок, она останавливалась – колеса крутились, а машина была на месте. Тогда по команде водителя Флекеля все выходили из кузова и толкали машину, водитель включал двигатель. Когда машина выскочивала из песка и выезжала на твердую дорогу, люди лезли в кузов, и она ехала далее. На косе таких больших домов, как сейчас, не было.

Нельзя сказать, что не было совсем строительства в городе после войны. Но

массовое строительство в городе шло в 1960-е и 1970-е годы.

Дорога на курорт с твердым покрытием была лишь в конце Слободки. Со стороны косы вдоль дороги росли тополя. Лишь пройдя по ней метров 400, мы доходили до проходной курорта. Никаких построек вдоль дороги не было.

Слева от нее было большое поле виноградников. Помню, как вдоль рядов виноградников ходили медленно женщины с опрыскивателями за спиной, одной рукой рычагом они нагнетали в опрыскиватель воздух, махая рычагом вверх и вниз, а другой направляли опрыскиватель на куст винограда, чтобы его хорошо побрызгать. Брызгали бордосской смесью, не применяя никаких других химикатов.

Напротив грязевого лимана была высокая труба и недоделанная до войны башня, которые фигурируют во многих книгах и справочниках. Они были как бы символом Бердянска. Возле них располагалась конечная остановка поезда «Бердянск-курорт». На курорт и Слободку люди, когда еще не было автобусного сообщения, добирались поездом, состоящим из двух-трех вагонов. Вход на перрон был свободен. Дежурный по вокзалу звонил в колокол, и паровоз издавал гудок.

Моя теща рассказывала, очевидно, со слов старших, что, когда прибывал самый первый поезд в Бердянск, встретить его вышло много людей.

Как только вдалеке показался паровоз и начал приближаться к вокзалу, многие люди оживились, говорили:

— Ля, черт с глазами едет!

С железнодорожного вокзала в послевоенный период поезда отправлялись, насколько я помню, в Запорожье

и Днепропетровск. Позже начал ходить поезд и в Москву, а поезд, который ездил в Днепропетровск (теперь г. Днепр), начал ходить до Пятихаток.

На вокзале тогда был такой порядок. На некоторое время до отправления поезда на перроне напротив паровоза и в конце поезда устанавливали деревянные щиты. Все провожающие обязаны были взять перронный билет. Стоил он недорого, кажется, 30 или 50 копеек. Тогда человека пускали на перрон. Но были и хитрецы, которые лезли на перрон под поездом.

Перед самым отправлением поезда дежурный по вокзалу звонил колоколом, висящим на стене вокзала со стороны перрона. Машинист паровоза, дергая за ручку, издавал громкий протяжный гудок, и паровоз трогался.

Сверху на паровозе обычно сидели 2-3 человека и держались за трубу или другие выступающие части паровоза. Они ехали без билетов.

В эти годы не только паровозы издавали гудки, гудели также на предприятиях, извещая, что рабочее время началось, а также в конце смены. Гудели и автомобили, поворачивая влево или вправо.

Потом в целях борьбы с шумом по всей стране гудки были прекращены.

Если пройти вдоль железнодорожных путей в сторону курорта, то недалеко за горбатым мостом находилось железнодорожное депо, а перед ним был поворотный круг с ямой. Внутри ямы было металлическое поворотное сооружение с рельсами наверху. В случае необходимости ремонта вагон или паровоз загоняли на круг и подавали в ту или иную мастерскую депо.

Перед нынешним пляжем № 3 находилась нефтебаза с круглыми баками и какие-то постройки. Слева, справа и со стороны моря была бетонная дамба. Сейчас все убрали и пляж стал больше.

Когда в 1946 году я приехал в Бердянск, то дамба у моря была уже, начиная от Центрального пляжа и до нефтебазы. Перед ней по всей длине ее были вбиты в дно моря деревянные столбы, которые намного возвышались над водой и должны были защищать дамбу от разрушительных волн.

В предвоенные годы и примерно до середины 1970-х годов в Бердянске существовал так называемый Малый рынок. Он находился на небольшой тре-

угольной площади между горбатым мостом и ул. Лиепайской. Еще перед войной, когда мои родители приезжали со мной в Бердянск и мы ходили из Колонии на море по мосту и на Третий пляж, с моста хорошо было видно, как на этом рынке продавали крупные бычки и другую рыбу. Во время войны мост был уничтожен. После войны вместо него построен новый мост, более добротный.

Продавали на этом рынке в основном рыбу. Лишь в конце, у поворота, была лавка по продаже керосина.

Сейчас на этом месте построены новые красивые дома, а вместо лавки для продажи керосина на этом же месте имеется шиномонтаж.

Если не ошибаюсь, работающий человек получал в сутки 500 гр. хлеба, а иждивенец – 200 гр. Магазины тогда в городе были, но они служили лишь для раздачи, вернее, продажи хлеба по карточкам.

Вспоминаю, что наша семья, состоящая из работающей матери и нас, троих учеников, получала 1 кг и 100 гр. хлеба.

Хлеб, полученный по карточкам, люди часто продавали на рынке для того, чтобы за вырученные деньги купить другие продукты. Продавали куски и целые буханки. Вспоминаю, что цена целой буханки иногда доходила до 200 руб., а это была большая часть зарплаты человека, а иногда и половина.

После отмены карточной системы возникали большие очереди у магазинов, так как хлеба, который привозили в наш магазин (снимок внизу), находящийся на углу улиц Республики (ныне пр. Победы) и Энгельса (ныне ул. Привокзальная), всего лишь привозили на 300 человек, а желающих приобрести хлеб было 1000 человек и даже больше. Очередь иногда начиналась у магазина, продолжалась по пр. Победы, пово-

рачивала в сторону железнодорожного вокзала по проспекту Восточному, затем на ул. Земскую (ранее ул. Красная) и оканчивалась где-то на середине квартала. Это было примерно 1500 человек.

Очередь на следующий день начинала образовываться еще с вечера, хотя никто не был уверен, достанется ли ему хлеб или нет. Иногда мать будила меня, как старшего, чтобы я постоял вместо нее в очереди, так как ей нужно было утром идти на работу.

Перед пятью часами утра приходила Шевченко, которая жила недалеко от нас. Я сейчас уже не знаю, Шевченко была каким-то должностным лицом или работу выполняла на общественных началах, или это была ее инициатива. Во всяком случае, такой человек, каким была она, требовался самой жизнью для обеспечения порядка в очереди и обеспечения хлебом людей. Со своими помощницами она начинала пересчитывать людей в очереди, чтобы было 300 человек. Хлопая каждого по плечу, она называла номера: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й... и т.д., начиная с первого человека или со середины очереди, еще на следующий день с любого человека. Иногда считала к хвосту очереди, иногда к началу очереди и т.д. Это делалось для того, чтобы исключить хитрецов, которые могли бы быть всегда с хлебом. Иногда пересчитывали второй раз перед открытием магазина. Если кто-то отлучился на время пересчета, то он оказывался вне очереди.

Если в очереди было два или три человека из одной семьи, то номер давали только одному человеку. Шевченко и ее помощницы отлично знали каждую семью. Так как нас в семье было четверо, то мы всегда получали номер и были с хлебом.

Однажды у нас в семье произошел один смешной случай. Мой самый младший брат Александр где-то достал черную краску и нарисовал себе усы. Свой поступок позже он объяснил так:

– Я решил, что подумают, что я карлик, и дадут мне в очереди номер.

Но его узнали и номер не дали. Было ему тогда 9 лет.

Если же приходил и занимал очередь человек с другой улицы, не обслуживаемой магазином, то Шевченко и ее помощницы быстро его разоблачали.

Хлеб по городу тогда в магазины доставляли в деревянных будках, установ-

ленных на телегах. Иногда хлеб привозили с опозданием, после открытия магазина. Тогда все в очереди поглядывали на соседнюю улицу.

Когда же впереди показывалась подвода с будкой, мы, мальчишки, бежали по улице, перепрыгивая через водосточные канавы, с криками:

— Хлеб везут! Хлеб везут!

И очередь оживлялась. Дядя Вася останавливался возле магазина, открывал будку, и несколько человек выгружали хлеб, передавая его из рук в руки, вручали его продавцу, который укладывал его на полки. Эти люди получали хлеб вне очереди.

Когда продавец взвешивал хлеб для человека, несколько пар глаз следили за стрелкой весов, проверяя правильность взвешивания. Впускали в магазин из очереди по пять человек.

Вспоминаю, как однажды продавец взвесил одному человеку хлеб и сказал, что нужно заплатить 6 рублей и 28 копеек. Человек дал продавцу деньги мелочью... по одной копейке. Все поразились. Почему так человек сделал, хотел пошутить или других денег у него не было?

После распродажи хлеба магазин закрывался, так как полки были пустые и нечего было продавать.

Иногда у хлеба был сильный запах гари, очевидно, на элеваторе во время военных действий был пожар. Но люди и этому хлебу были очень рады.

Соседка в очереди стояла редко, поскольку она работала на пекарне и выносила хлеб, привязывая его куски к ногам. Но однажды она попалась, ее судили, и она сидела в тюрьме.

Первый действующий магазин по продаже товаров появился в городе в 1947-м или в 1948 года. В нем обменивали зерно на муку. Позже появился в магазинах еще один товар – конфеты-подушечки. Делали конфеты в артели имени 1 Мая на ул. Коммунаров (теперь ул. Консульская). Одно время и мать моя там работала, но она жаловалась, что руки болят, ведь нужно было голыми руками месить и раскатывать горячее конфетное тесто.

Иногда нам удавалось достать пшеничного зерна, мы его варили и ели.

Соседский парень по кличке Пудя избрал свой метод добывания пищи. Он во время езды грузовой машины через железнодорожный переезд возле заво-

да «Дормаш», доставлявшей зерно на мельницу в Колонию (на снимке вверху) и замедлявшей движение на подъеме, влезал в кузов, быстро нагребал себе зерно за майку, таким же образом во время езды машины слезил с нее и, подерживая «распухший» живот, шел домой. Было что кушать и чем покормить голубей.

Иногда по улицам ходили пухлые люди – с толстыми розовыми ногами и большими животами. На углах кварталов и в людных местах часто сидели нищие и просили милостыню. С пухлыми ногами ходил тогда и автор этой статьи.

Многих тогда выручало море.

Помню, как у берега моря недалеко от пляжа № 3 был морской причал, с которого шли вагонеточные узкие рельсы через лицо Горького и заходили между домами во двор. Здесь была какая-то организация или участок рыбозавода. Возглавлял его Ланской.

Часто с моря привозили свежую тюльку. Грузчики в резиновых сапогах и комбинезонах грузили тюльку ведрами в ящики, установленные на вагонетке на рельсах. Когда ящики были заполнены, вагонетку два человека толкали по рельсам во двор. В это время мальчишка подбегал к вагонетке, запускал в ящик с тюлькой свои сачок, наполнял его и, как пуля, быстро убегал, держа в руке сачок с тюлькой, не давая возможности опомниться рабочим. Мальчишку ожидала мать или бабушка, сидевшая невдалеке где-нибудь за дамбой или другим укрытием. Так он подбегал к вагонетке раза два или три.

Тюльку обычно тушили на сковород-

ке, иногда из нее делали котлеты. К сожалению, были случаи, когда люди травились сырой тюлькой и прощались с жизнью. Преимущественно это происходило с людьми, прибывшими из сел, которые не знали коварства этой небольшой рыбки. Не знали, что ее нельзя есть в сыром виде.

Иногда люди ходили на берег моря, куда должны были прибыть рыбаки с моря. Они по прибытии выбирали более крупную рыбу, а мелочь, в основном небольшие бычки, можно было купить по более дешевой цене.

Важным элементом питания человека в те времена были также выжимки или жмых, образующиеся при изготовлении подсолнечного масла на маслопредприятиях. Человек туда сдавал подсолнечные семечки, а получал подсолнечное масло и полагающееся количество этих выжимок.

Люди эти выжимки называли ласковым украинским словом «макуха».

Макуха тогда изготавливалась в виде кругов диаметром приблизительно 300 мм и толщиной 20 или 25 мм. А какой приятный запах от нее исходил!

Люди употребляли макуху в пищу, и хотя она содержала не только отжатые и вкусные семечки, но и острые скорлупки семечек, люди макуху грызли в полном смысле этого слова и были очень довольны, все в желудке переваривалось.

Грызли макуху и школьники на переменах и на уроках. Благо тогда у подростков, несмотря на недостатки с питанием, зубы были крепкие.

Продавалась макуха и на рынке.

Сейчас макуха изготавливается в раздробленном виде, а используется она на корм скоту и птице.

Голод мучил людей днем и ночью. Человек спит и в то же время думает, что бы ему поесть. Днем нагнулся что-нибудь поднять с пола, выровнялся – и пошли круги перед глазами. Выпьет голодный человек немного воды, чтобы во рту что-то было, а в желудке начинает еще больше урчать.

Некоторые люди ходили в столовую, которая находилась в длинном двухэтажном здании напротив нынешнего «Космоса». Все называли это здание «Дом под «Азовом». Название это он получил потому, что сверху на доме была сделана надстройка, в которой находился ресторан «Азов» (на снимке справа).

Конечно, посетителей там было не очень много. В столовой же люди кушали повидло, сваренное из сахарной свеклы без сахара. Больше ничего в столовой не было. Съел человек грамм 300 повидла без хлеба, не запивая ничем, и пошел довольный к выходу. Поел, через полчаса есть опять хочется.

Быт людей был иной, не такой, как сейчас.

Обуви не было. Поэтому в летнее время до поздней осени, особенно мальчишки, ходили по городу босые. Многие ходили и на занятия в техникум так, и так сидели за партами на уроках. Лишь зимой одевали дырявую и изношенную обувь.

Представьте себе, сидит на уроке за первой партой (сейчас в учебных заведениях столы, тогда были парты) учащийся, вытянув вперед босые ноги, и периодически макает в чернильницу перо на ручке, набирая чернила. Чернильница была неотъемлемым атрибутом учащегося. Учащиеся носили ее в маленьких сумочках в вертикальном положении.

А в начальных классах школы учителя требовали от учеников, чтобы они при написании букв при движении ручки вниз сильнее нажимали на ручку, тогда перо раздваивалось, вертикальные части букв получались более широкими. Почерк должен был быть каллиграфическим, за него ставили оценку.

Шариковых ручек тогда не было. Они появились во время войны где-то за границей, и мы о них только слышали.

Тогда многие носили в карманах сложенные авоськи, сплетенные из матерчатых полос, бытовые сетки с двумя руч-

ками сверху. Иногда их делали из толстых ниток. Эти сетки получили свое название от слова «авось» – авось что-то попадетсЯ и куда-то нужно будет положить, чтобы нести. Идет человек по улице и несет в авоське арбуз или один килограмм картошки.

Примерно в 1990-х годах авоськи были полностью вытеснены целлофановыми пакетами, и сейчас авоську можно увидеть только в музее.

Но мы и в этой обстановке иногда могли пошутить. Однажды, когда обувь у одного из нас износилась окончательно, мы связали оба ботинка, написали записку «Если у тебя хуже, то возьми эти!», привязали к ним, поставили на тротуар. Сами же выглядывали из приоткрытых ворот, интересно, подберут ли их.

Прошел человек, не останавливаясь, посмотрел на них и пошел дальше. ВтороЙ поступил так же. Наконец пришла нищАя. Взяла в руки ботинки, прочла записку и, пройдя несколько шагов, бросила их.

Иногда мои братья играли в футбол с Евгением Тодоровым, жившим недалеко от нас. Вместо ворот ставили два кирпича на одной стороне, и так же на другой. А поскольку футбольного мяча не могли достать нигде, они наталкивали разных тряпок в женский чулок, завязывали и получался неплохой мяч.

Позже, кажется в 1949 году, муж сестры нашей матери сделал на заводе нам машинку – мини-мельницу для измельчения зерна. Мы ее укрепили на полу. Нужно было все время крутить вверху ручку и подсыпать зерно в машинку. Снизу сыпались смешанная крупа, мука и отруби. Мы эту смесь варили в воде на керогазе и непросеянную, иногда даже без соли. Когда поедали, через полчаса снова хотелось есть.

Иногда мы не могли дождаться, когда вся пшеница будет помелена, а смесь сварена. Тогда работающий на машинке одной рукой крутил ручку а другой набирал смесь и отправлял себе в рот, пережевывая, глотал.

Денег обычно не хватало. Директор школы Елена Дмитриевна Хоминская часто вызывала мою мать или меня как старшего и настаивала, чтобы заплатили за учебу в школе. Но денег не было. А еще нужно было приобрести что-то из одежды. Обычно покупали мне как старшему, а братья донашивали.

Тогда было жизненно необходимо

перелицовывать одежду. Если одежда изнашивалась, теряла свой вид, ее стирали, штопали, перелицовывали и снова носили. На людях часто можно было увидеть одежду с заплатами. Ходили так даже преподаватели, должностные лица, лишь бы она была чистой. Никто не обращал на это внимания.

В те годы все субботы были рабочими. Если же нужно было провести массовое мероприятие по посадке деревьев, уборке мусора и т.п., то его проводили в воскресенье, а мероприятие называлось воскресник. Такого понятия как субботник не было.

Такое положение было в течение нескольких послевоенных лет. Но никто на материальные трудности не жаловался. Все понимали, что эти трудности проходящие, что это последствия войны.

К 1955 году исчезли очереди за хлебом. Стали работать магазины. Улучшилось положение с обувью и одеждой.

Постепенно жизнь людей стала налаживаться.

В.И.Лановейчик.

(«Південна зоря», 26 октября, 2 ноября 2017 года)

Бульвар Шевченко: торжественное открытие.

На год раньше запланированного завершились работы по реконструкции бульвара Шевченко в многонаселенном микрорайоне Бердянска – Стекловолоконно. Ремонтные работы проводились в несколько этапов, первая очередь восстановленного бульвара (после трехлетнего простоя) была открыта в июле 2015 года. А 16 сентября 2017 года городской голова Владимир Чепурной торжественно перерезал ленту последней реконструированной части любимого места отдыха жителей микрорайона.

По информации прес-службы испол-

кома, в этом году на реконструкцию бульвара было выделено почти 6 млн. гривен. Именно это позволило досрочно закончить работы. Для сравнения: за период с 2012 по 2016 год общая сумма на ремонтные работы составила 4 млн. 467 тыс. гривен.

Работы по реконструкции завершены, в конце осени планируется провести озеленение бульвара, а также освещение.

В открытии бульвара приняли участие депутаты городского совета Ксения Буханова, Алла Циндра, Виктор Цуканов, Евгений Георгиев, Богдан Сушко, комитет микрорайона (председатель Светлана Глушко), администрация, учащиеся и учителя школы № 11, гимназии № 2, ДЮК «Дружба» и другие.

Творческие коллективы микрорайона подготовили интересные хореографические и вокальные номера, почетные гости осмотрели тематические выставки, фотозоны, организованные учебными заведениями.

Владимир Чепурной поздравил присутствующих с юбилеем города, поблагодарил комитет микрорайона Стекловолокон, председателя Светлану Глушко за помощь в организации праздника и активную жизненную позицию, а также рассказал о планах на будущее. К примеру, об установке на бульваре памятника Тарасу Шевченко (это будет решаться вместе с депутатами) или определении темой фестиваля кузнецов «Стальная волна» в следующем году творчество Кобзаря с изготовлением тематических изделий, которые впоследствии украсят бульвар.

– Мы будем продолжать работы по обустройству города, – подчеркнул городской голова.

Ю.Л. Тисленко.

Дмитровка: история и легенды.

В 2016 году Дмитровка отметила свое 155-летие. За полтора века много воды утекло, много разного пришлось пережить жителям села – и хорошего, и плохого. Сейчас Дмитровка развивается, строит планы на будущее. Но при этом и помнит о прошлом.

Рождение села

На том месте, где сейчас находится Дмитровский сельсовет, люди селились издавна. Об этом свидетельствуют археологические находки: вблизи Дмит-

ровки были найдены каменные орудия труда и захоронения эпохи бронзы. А в Дмитровском кургане обнаружены деревянные повозку с целиком сохранившимся колесом, возрастом 5 тысяч лет.

В Кобыльей балке (по-народному – Рыбачья республика) были найдены стоянка скифов, предметы их быта и фрагменты античных амфор. А в Петровой балке – античные монеты и черепки античной керамики. Был здесь выкопан и фрагмент каменного топора, переданный Бердянскому краеведческому музею.

На месте нынешней Дмитровки в XIX веке располагался ногайский аул Югурт-Темгалы, или Юртамгалы, что в переводе означает «кислое молоко», «простокваша». После ухода ногайцев, летом 1861 года начало «рождаться» новое село. Первопоселенцами были крестьяне из Воронежской, Полтавской, Черниговской и Курской губерний, а также из села Берестового.

Сначала село называли Покровкой (Новопокровкой), а потом переименовали в Дмитровку, потому что в уезде уже была Покровка.

Первопоселенцы, осваиваясь на новом месте, начали строить дома и сразу же – церковь. В 1899 году в Дмитровке был возведен храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1930-е годы его разрушили. Но как он выглядел, получить представление можно и сейчас.

– Одними из основателей села были выходцы из города Старый Оскол Курской губернии. Там до сих пор сохранилась точно такая же, пятикупольная, церковь, которая была в Дмитровке, – рассказал председатель Дмитровского совета ветеранов Леонид Папанов.

На том же самом фундаменте, где стоял Покровский храм, несколько лет назад был построен, а 21 ноября 2014 года освящен новопостроенный Покро-

во-Архангело-Михайловский храм. Его сооружение – заслуга жительницы Мариуполя Софьи Сергеевны Морозовой, уроженки поселка Шевченко. У нее есть и дмитровские корни. Воздвигнуть храм она пожелала в память о своем покойном сыне, а также о родителях, которые в 1920 году в день Покрова Пресвятой Богородицы тут венчались. Дальние родственники Софьи Морозовой и сейчас живут в Дмитровке.

– Как выяснилось, мы с Софьей Морозовой – родственницы, – говорит председатель Дмитровского сельсовета Любовь Кись. – Наша общая прабабушка, тоже Софья, вместе с мужем переселились в Дмитровку с Кубани. Они прибыли сюда на волах.

Районы вместо улиц

Названия улиц в селе появились только в 1970-х годах. До того село делилось на районы.

– Самым старым районом была Курщина – такое название она получила в честь первопоселенцев, крестьян из Курской области. Я училась в школе, которая находилась на Курщине, все называли ее курской, – вспоминает Любовь Кись. – Была еще Берестянщина, ее так называли потому, что там изначально селились выходцы из села Берестового. Школу на Берестянщине называли украинской – вероятно, потому, что выходцы из Берестового разговаривали на украинском. Место, где сейчас находится улица Свободы, называлось Курган, или Курганщина. Здесь возвышенность, оттого и название такое. А была еще и Засадная сторона – такое наименование она получила, потому что там когда-то был сад.

Примерно тогда же, когда в селе по-

явились улицы, сменило свое название и село.

– Когда я в 1967 году уехал учиться в Днепропетровский институт, село называлось Дмитриевкой, – рассказывает Леонид Папанов. – А в 1972 году, после окончания учебы, я вернулся уже в Дмитровку.

А вот когда и почему изменилось название, никто уже и не помнит.

Чудеса села Дмитровка.

Подземные ключи

На территории Дмитровки есть подземные ключи. Один из них – Ключ амазонок, с удивительной историей. Как рассказывает уроженец села Иван Короткий, отец истории Геродот упоминал, что после высадки на берег у торжища Кремны и жаркого боя со скифами амазонки утоляли жажду из единственного в этой местности источника пресной воды. Шагах в 200 западнее урочища Петрова балка (предположительно, рядом с ней и располагалось торжище) и поныне действует источник, который еще с послевоенных лет местные и городские рыбаки называли Родником Дев, что обозначало Ключ амазонок. В середине 1960-х годов многотонный оползень накрыл Ключ амазонок. В 1970-х годах в Петровой балке был сооружен секретный военный объект с запретной зоной, в которую попал и родник. После распада СССР объект утратил свое назначение, и побережье стало доступным для всех. Оказалось, Ключ амазонок пробился сквозь толщу оползня.

А в 1920-х годах рядом с Вольной балкой, неподалеку от Дмитровки, начал бить подземный источник. Как рассказал директор Дмитровского центра культуры и спорта Юрий Котляр, старожилы вспоминали, что примерно в 1940-е годы от него образовался целый ряд ставков, и вода из них текла в реку Обиточную. Воды из источника поступало много, и в первой половине 1950-х годов уровень реки настолько поднялся, что даже затопило близлежащие села, в том числе и Новопавловку (Партизаны) Приморского района.

Пришлось возить шерсть тюками и забивать ею этот подземный ключ, тогда наводнение прекратилось. Забивали именно шерстью потому, что она в воде не гниет. Сейчас осталось всего два ставка, и вода из них постоянно поступает в Обиточную.

Золотоносные пески

На территории сельсовета располагается урочище Зукалова балка. По информации Ивана Короткого, еще и сейчас от хозяйственной деятельности немецкого помещика-колониста Адольфа Зуккау осталось сооружение в виде земляного вала – плотины через урочище для образования ставка. В пляжной зоне в середине 1950-х годов обнаружили золотоносные пески. На побережье даже работала старательская артель. До сих пор здесь штормовое море выбрасывает на побережье «золотые» пески.

Южный слон

В наших краях более миллиона лет назад обитали южные слоны, рядом с Дмитровкой находят фрагменты их костей. В 1950-х годах в районе оползней в Петровой балке дмитровский рыбак-любитель Григорий Евдокимов нашел окаменевшие кости ног южного слона и сдал их в Бердянский краеведческий музей. С подобной находкой посчастливилось в 2000 году и Ивану Короткому.

Половецкая баба

Директор Дмитровского центра культуры и спорта Юрий Котляр рассказал об удивительных «способностях» половецкой бабы.

Перед Дмитровским ДК была установлена половецкая баба.

– Когда-то она стояла на каком-то холме, но потом, во время основания села, ее перенесли в село. Тогда такие идолы использовали для того, чтобы отмечать улицы, и эта баба тоже указывала, где находится улица Покровская (Ленина). Была она закопана в землю почти до головы, – рассказал Юрий Котляр. – В 1986 году по инициативе краеведа, учителя Ильи Дмитриевича Червенко ее выкопали и перенесли в Дмитровский музей, где она и находилась 30 лет. Переместили мы ее к Центру

культуры аккуратно, на катке. Я тогда пальцем постучал по изваянию – звук был такой, как если по пустому ведру постучать. А ведь эта баба 600 килограммов весит! После того, как ее вкопали в землю, звуки при стуке опять стали глухими. Энергетика от этого изваяния половецкого воина идет неимоверно сильная. Мы ходили вокруг него с биолокационными рамками, они крутятся очень быстро, иногда их даже выбивает из рук.

История села в памяти людей

Многие события, которые происходили в жизни нескольких поколений дмитровцев, хранятся только в памяти людей. А ведь это – тоже история родного села.

Махновщина

Бывал ли батя Махно в Дмитровке, неизвестно. Но о таком неоднозначном явлении, как махновщина, там помнят.

– Некоторые дмитровцы служили у Махно. Они привозили своим семьям сундуки добра, но потом советская власть это все отняла, – говорит Юрий Котляр. – В селе и сейчас живут потомки махновцев.

– Моя бабушка рассказывала, что ее брат погиб от рук махновцев. Он поехал куда-то, и в дороге его убили. Семья потом ездила забирать его тело, – рассказывала Любовь Кись.

Коммунары и колхозы

В 1920-е годы в стране массово начали организовываться коммуны из сельской бедноты. Веяние времени обошло стороной и Дмитровку.

– Неподалеку от Дмитровки есть Вольная балка. Называется она так потому, что ее никогда не распахивали и не засеивали, то есть – вольное место. Правда, в 20-х годах прошлого века некоторые дмитровцы пытались в том месте создать коммуну, – рассказал Юрий Котляр. – Экспроприировали у местных кулаков коров и свиней, а у долинского кулака забрали сеялку. Но затея с созданием коммуны с треском провалилась. Коров и свиней коммунары съели и к зиме вернулись обратно в Дмитровку.

А в 1929-1930-х годах в селе был создан колхоз.

– Мой дед Иван Ганжин был активным большевиком, одним из организаторов колхоза. А другой мой дед, Конд-

рат Папанов, был кулаком. Иван Ганжин потребовал от него, чтобы тот вступил в колхоз. Дед Кондрат отказался. Тогда Иван Иванович посадил его на три дня в подвал. Деваться было некуда, пришлось соглашаться, — рассказал семейную историю Леонид Папанов. — В 1937 году Иван Ганжин был репрессирован, и мы до сих пор не знаем, что с ним стало. А Кондрат Папанов в 1943 году был тяжело ранен под Мелитополем, болел и умер. Потом их дети поженились. А вот мои прадед и прабабушка прожили долго. Прадед Иван Коваленко прослужил 25 лет в царском парусном флоте, родился он в 1864 году, а умер в 1966-м в возрасте 102 лет. Прабабушка моя была дочкой Тихона Ивановича Александрова, он со своей семьей и соседями в 1860-х годах приехал в Дмитровку из Курской области.

Оккупация

Краевед и историк Илья Червенко в «Кратком очерке истории села Дмитровка» писал: *«Два года продолжалась оккупация села. Два года колхозники жили в страхе и невыносимом убожестве. Жители села не имели хлеба, соли, керосина, мыла, спичек. Все обносились до того, что на двух-трех членов семьи имелась лишь одна латаная верхняя одежда. 180 человек были отправлены насильно в рабство в Германию».*

— Маму тоже пытались угнать в Германию. Ее вместе с односельчанами пешком пригнали на станцию Берда и заперли в сарае, — рассказал Леонид Папанов. — А ночью немецкий часовой сарай отомкнул и по-русски сказал им, чтобы они убежали, иначе их могут расстрелять. Они убежали и вернулись обратно в село. А вот многих других, в их числе Анатолия Волошина, который потом стал заместителем председателя колхоза, и Анатолия Мириленко — он потом работал бригадиром тракторной бригады — в Германию все-таки угнали. Люди потом рассказывали, что было это настоящее рабство: были там голодными, битыми, незащищенными. Хотя некоторым повезло, когда советские войска начали наступать, то бауэры — немецкие фермеры — стали относиться к своим работникам неплохо, хорошо их кормили.

В Дмитровке стояли не только немцы, были еще и румыны. Сохранились разные воспоминания о тех и других.

— От своего отца и других односель-

чан я слышала, что румыны относились лояльнее к местному населению, помогали продуктами питания, детям конфеты давали. А немцы, бывало, и автоматы наставляли, — говорила Любовь Кись.

— От румын беды было больше, чем от немцев. Дмитровцы даже рассказывали, как немцы их от румын защищали. Румыны были злые, могли придураться, избить, — рассказал Леонид Папанов. — Детвора во время оккупации голодная была, и односельчанин Анатолий Козлов взял у этих румын кусочек хлеба. Пришлось ему от них удирать, а те в него стреляли, и пули свистели вокруг него.

Освобождение села

Дмитровка была освобождена от нацистских войск 17 сентября 1943 года. По словам Леонида Папанова, о том, что село скоро освободят, люди догадывались. На отдаленных подступах к Дмитровке шли бои, были слышны выстрелы. И хотя за саму Дмитровку бои не велись, село все же пострадало при отступлении противника.

— У немцев было секретное предписание: после их отхода с Украины там не должно остаться ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного дома, ни одной шахты, ни одного не отравленного колодца, — рассказала Любовь Кись. — Село наше на 70% было сожжено, сгорели 109 домов. Были разрушены два моста, вывезен почти весь скот. Люди, чтобы спастись, ушли в сторону Новопавловки (Партизаны), прятались в посадках кукурузы.

— Моей маме в 1943 году было 16 лет. 16 сентября ее и подруг согнали в центре села, немцы и дмитровские полицаи хотели угнать их в Германию. Погнали их в сторону Партизан, а село подожгли, — вспоминал Леонид Сергеевич. — За колонной особо не следили, и дмитровцы по дороге начали разбегаться. Мама с подругой сейчались в посадках подсолнуха, и около полуночи они вернулись в Дмитровку. Маленький домик моих бабушки и дедушки чудом уцелел, а дома вокруг (сейчас это улица Правды) сгорели. В этот домик набились погорельцы со всей улицы. Очень обрадовались, когда увидели мою маму с подружкой живыми. А перед рассветом кто-то заиграл на гармошке. Люди выскочили на улицу. Увидели, что едет конная повозка, на которой сидят два солдата, один

из них и играл на гармошке. Это были разведчики – они знали, что немцев в селе уже нет, и потому не боялись. Когда люди увидели своих, радость была неимоверная.

А днем в село вступили советские войска, они шли со стороны Троян. Люди, и мама в их числе, побежали в центр, чтобы увидеть их. Лошадь командира разведчиков, капитана Тетерина, шла по каменной дороге.

Чего-то она испугалась, прыгнула на обочину – и раздался взрыв. Обочина была заминирована. Капитан Тетерин был ранен и потом умер. Похоронен он в нашем селе. В братской могиле села Дмитровка находятся тела еще девяти бойцов, погибших в 1941 и 1943 годах (снимок вверху).

– Мой дедушка мне рассказывал, что их могилы находили в 1946 году возле трассы, идущей вдоль моря, и прах их перезахоронили тоже в Дмитровке, – вспоминает Любовь Кись.

Так совпало, что в 1943 году оба дедушки Любове Валентиновны почти одновременно были в Дмитровке.

– Семья одного моего дедушки – Сычевы – издавна жила в Дмитровке, его предки перебрались сюда из Курской области, – рассказала она. – После освобождения села в 1943 году дедушку призвали в армию и направили, как и многих других его земляков, под Мелитополь. Он вспоминал, что все они были неподготовленные и плохо вооруженные. Хорошо, если на 10 человек приходилась одна винтовка. Когда штурмовали высоту под Чапаевкой, то в атаку бежали с палками в руках, а кое-кто – с саперной лопаткой. Неудивительно, что и потери были огромны. Вода в Молочной была красной от крови, а когда она

наполнилась телами, то по ним пустили технику... Дедушка вспоминал, что сначала было страшно, а потом, когда все вокруг бегут и кричат «ура!», то уже и не страшно: бежишь и ни о чем не думаешь. Дедушке тогда повезло – он выжил, правда, был ранен в ногу. А другой мой дедушка, Воробьев, родом из Ставропольского края, служил в танковой бригаде, которая вошла в Дмитровку после ее освобождения. Здесь он познакомился с женщиной, у которой было три сына. У него же было три дочери, и в начале войны он овдовел. Моя мама была его младшей дочерью, она тогда была совсем маленькая – бабушка умерла вскоре после ее рождения. Но надо было идти на фронт, и дедушке пришлось двух старших дочерей отдать в детдом, а маму забрал ее дедушка с бабушкой.

После войны дедушка Воробьев вернулся в Дмитровку, и с этой женщиной они создали семью. Построили дом, растили шестерых детей. А потом у них родился седьмой ребенок.

Послевоенное время

Илья Червенко писал: «Восстановление хозяйства колхозов требовало величайшего напряжения сил, особенно в первую весну после освобождения – в 1944 году. Не хватало рабочих рук, тягловой силы, почти не было инвентаря, совершенно отсутствовал посевной материал. Пришлось колхозникам запрыгать своих коров, а их было очень мало, так как фашисты угнали почти весь скот. Весной 1944 года советское государство выделило определенное количество посевного материала, который был доставлен на станцию Трояны (4 км от Дмитровки). Подвезти его в Дмитровку было нечем — ни тягловой силы, ни машин совершенно не было. И вот по инициативе женщин-солдаток начали переносить зерно на плечах: каждая брала по 15-20 кг в сумку или мешок и несла со станции в Дмитровку».

– Мама мне рассказывала, что в 1944 году посеяли пшеницу возле железной дороги. А когда ее убрали, то 32-килограммовые мешки с пшеницей пришлось нести на себе на Трояновский элеватор, – говорит Леонид Папанов. – Поля полони вручную, вручную же вырезали кукурузу, собирали подсолнечник. Мама была звеньевой, и в 16 лет ее наградили медалью за доблестный труд.

В то время подростковый труд был нормой – практически все дмитровские подростки начали работать в колхозе с 14-15 лет.

В 1950 году в Дмитровке были восстановлены три школы, участковая больница, дома колхозников, началось строительство новых помещений для животноводства.

– Я хорошо помню, как в село провели радио, в нашем доме оно появилось в 1957 году, – вспоминал Леонид Сергеевич. – В 1961 году электросети нам давали только по вечерам, а с 1964 года – уже круглосуточно. В 1964-1965 годах в селе появился первый телевизор. С 1969 по 1972 год центральные улицы села вымостили булыжником из Андровского карьера, по нему не очень удобно было ходить, но мы все равно радовались, что хотя бы не по грязи. А потом поверх булыжника положили асфальт.

Планы на завтра

16 сентября в Дмитровке прошел митинг, посвященный освобождению села, а 24 сентября – и День села. Празднование включало в себя соревнование рыболовов-любителей на Азовском море, футбольный турнир среди местных команд, выступление вокально-инструментального ансамбля и торжественную часть.

Одним праздником ко Дню села сельсовет решил не ограничиваться: чтобы порадовать детишек, за 36000 гривен закупили детский игровой комплекс «Пиратский корабль» с двумя горками, четырьмя качелями и четырьмя горками-турниками. Поставили игровую площадку возле стадиона. А в планах есть покупка еще четырех детских площадок, которые установят в разных частях села.

– На месте разобранной старой школы, там, где растут вековые деревья, планируем разбить сквер с беседками и летней площадкой для выступлений вокально-инструментального ансамбля. А новое оборудование для ансамбля, электронная ударная установка, уже приобретена, – рассказала Любовь Кись. – Для хореографического класса Дмитровского центра культуры и спорта уже куплены зеркала, станки и планшет. Подсыпаны дороги в Зеленом и Речном переулках, в планах также выполнить отсыпку улицы Молодежной (Комсомольская). А до конца года улицы Дмитровки будут освещены на 95%.

Внимание уделяется и развитию инфраструктуры села Шевченко, которое входит в состав сельсовета. Оно полностью газифицировано, а благодаря предпринимателям Леониду Клецунову, Николаю Лищуку и Андрею Рудыку, в селе организовано питьевое водоснабжение, причем тариф на воду составляет всего 5 грн/м³. Сельсовет уже выделил 40000 гривен на очистку артезианской скважины. Улица Победы будет полностью освещена, продолжат восстанавливать уличное освещение и на улице Верхней.

Юрий Котляр поблагодарил народного депутата Александра Пономарева, его помощников Аллу Токареву и Юрия Люцканова за предоставленную спецтехнику, задействованную при подготовке к празднованию Дня села.

Е.Л.Смирнова.

Дом Егора Митровича (ныне – ветеринарная аптека).

По мнению старожилов-краеведов нашего города А.М.Ломоносова и П.П.Архипенко, одним из первых зданий Бердянска был дом на углу Западного проспекта и улицы Консульской. Сейчас в этом помещении находятся ветеринарная лаборатория и больница.

Владельцем постройки был один из первых горожан – Егор Митрович (1794-1874 гг.). Он был купцом второй гильдии и заботился о нуждах новопостроенного порта. Поэтому часто ходил с ходатайствами к Воронцову, так как завоевал особое расположение и доверие основателя города.

Млыны.

Не замечали? Мы очень даже бойко оперируем историческими фактами многовековой давности. Отлично осведомлены о том, кто, что и по какому поводу сказал давным-давно. А вот о том,

что было еще вчера, забыли. Но есть люди, которые помнят. Пусть говорят. Тогда будем помнить и мы.

Для затравки – воспоминания оси-пенковца **Григория Кирилловича Соколова**. Автора уже нет с нами, а воспоминания живы. Сохранил их и предложил для публикации директор Оси-пенковского исторического музея Олег Будяк. Пусть это будет своеобразным подарком к 230-летию одного из самых старых казацких поселений в Северном Приазовье. Вот рассказ старожила.

В южной части Украины, т.е. на территории Запорожской и Донецкой областей (бывш. Екатеринославской и Таврической губерний), было очень развито млынарское дело. Сооружались из дерева ветряные мельницы, которые, используя дармовую силу ветра, служили жителям для размола зерна на хлеб и для фуража. Я родился в 1918 году 24 ноября и, по рассказам моих дражайших родителей, сильно ударялся на профессию мирошника. Благо отец мой и дед были урожденные мирошники в Курской губернии.

Отец даже специализировался на строительстве мощных ветряных мельниц. В 1912 году на немецкой стороне (в Ольгино) под руководством моего отца Соколова Кирилла Прохоровича была построена мельница немцу Миллеру. Своих мельниц ни дед мой, ни отец не имели, а больше занимались мирошниками на чужие мельницы. Сначала у немца в Ольгино, потом у Мовчана (Реца), а перед самой коллективизацией – с 1918 по 1926 год – отец мирошниковал на мельнице Вдовиченко Клина по прозвищу «Туркот» (откуда и мельница называлась «Туркотовой»).

Сей Туркот был невзрачный старик. Держал ветряную мельницу и благоустроенный дом, при котором были многочисленные хозяйственные постройки и, что примечательно, – четыре вырытые в земле, выжженные ямы для хранения зерна. В 1921 году случился голод, и упомянутые ямы с зерном самим хозяином были отданы обществу для кормления голодающего населения села. Голод свирепствовал целый год. Сопровождался лютой нехваткой хлеба и всех съестных припасов, что повлекло за собой мор населения прямо на улицах, в огородах и домах. Во время голода мельницы совершенно бездействовали или же перемалывали где-то припрятанный жмых,

просяную шелуху, сурепу и другие злаки, пригодные для употребления в пищу.

До революции – до 1918 года – все ветряные мельницы работали. Для всех хватало пшеницы, ячменя, кукурузы, проса. А было их немало. При въезде в село со стороны Мариуполя размещалась мельница Гарбуза Никиты. Дальше, по левую сторону дороги, стоял знаменитый Туркотив млын, имевший мощные 9-вершковые жернова. В этом млыне мирошниковал мой родитель.

В районе малого кладбища стояли три

млына: Криволапенко Макара, Мовчана (Реца) Васыля и Карташа. Последний сгорел вместе с мирошником во время грозы в 1920 году. А млын Мовчана, в котором до 1918 года также мирошниковал мой отец, был сожжен в 1918 году то ли петлюровцами, то ли деникинцами. Макарецев млын продолжал вертеться до самой Отечественной войны и состоял на балансе артели «Заповіт Ілліча».

Дальше, к центру села, располагалась знаменитая ярмарковая площадь. Знаменитость ее заключалась в том, что на ней в июне традиционно устраивалась ярмарка, приуроченная к Зеленым святам – празднику Троицы. Что касается ярмарки, то на ней необходимо остановиться подробнее.

Ярмарки ежегодно устраивались общиной села, дабы способствовать развитию торговли округе радиусом до 100 верст. На Новоспасской ярмарке было все, что производилось в селе и в городе. Чего там только не было: возы, кони, коровы, свиньи, лес, строительные материалы, мануфактура, обувь, мед, горилка, пиво, вино, мука, масло, сыр, гармоны, балалайки, халва, конфеты, квас, буза, другие известные на то время напитки и мороженое, которое стоило алтын, т.е. 3 копейки.

Длилась ярмарка 2-3 дня, в зависи-

мости от погоды. И, как положено, за это время заключалось немало сделок.

Самое бойкое место занимали карусели, которые устраивали Рашивец Шамрай и компаньон Дементий. Ветряки тоже принимали праздничный вид. Они прекращали махать своими огромными крыльями. На одно или два крыла прикреплялись ветки акации. Крылья поднимались ввысь, и далеко-далеко были видны нарядные ветряки, оповещавшие округу про праздник Троицы.

На той ярмарковой площади располагалось около десятка ветряков, окрашенных в разные цвета: желтый – Шиманив, красный – Лебедив, белые – Щербаня, Снигурив, Метелькив, Диденкив, и возле самого кладбища – Клацункин желтый. Еще было два млына, сведенный о которых не сохранилось.

Дальше, за площадью, располагалось Спасское или среднее кладбище, на котором упокоивались труженики центральной части села и окрестностей.

А село тянулось дальше. Надо было переехать Ростовскую балку. Назвали ее так, потому что жил в ее северной части Ростовский Лука – очень богатый поселенец с многочисленными представителями фамилии Ростовских. Попадали прямо на Покровскую площадь, на которой 26 сентября 1893 года была заложена церковь, названная Покровской в честь пресветлого праздника Покрова Пресвятой Богородицы, во время которого 14 октября 1900 года ее и освятили. Храм выстроили в византийском стиле. Архитектуры он был изумительной. Эта церковь была знаменита еще и тем, что на колокольне отбивали время: час, два, три, четыре и так до двенадцати.

На Покровской площади в том же 1900 году была выстроена земская школа на четыре класса. Здание также отличной архитектуры и солидной прочности (теперь в нем – бухгалтерия СПТУ-61).

Дальше, влево от села, располагалось Покровское кладбище, на котором хоронили жителей Покровского прихода. Его еще называли в народе Кийкове. Просто окрестности заселили Протасенки по прозвищу Кийки: Петр, Кирилл, Осип, Давид, Алеха. Все они имели млыну-ветряки. Всего их было пять да в придачу ветряк деда Шилия.

Дальше в сторону с. Старопетровка в самом юго-западном углу села располагались три мельницы Щербанив: Те-

решка, Васыля и Мыкыты. В одной из сих мельниц, находившейся на балансе артели «Червоны Клич», с 1934 года до самой Отечественной войны мирощеничал мой отец. В это время я имел юношеское счастье управлять работой ветряка и владел этим искусством в совершенстве, благодаря стараниям моего родителя.

Всего по неточным подсчетам было в селе около трех десятков мельниц. Что характерно: все они, при наличии ветра, круглосуточно работали без остановки по несколько дней. Большинство из них имели просорушки, т.е. механизмы для шеретовки проса и переработки его на пшено.

Куда не кинешь оком, особенно с горы от с. Нововасильевка (Кенегес) на Новоспасовку, всюду были раскиданы ветряки, вращавшие своими крыльями и создававшие колорит благоустроенного трудового села.

И еще, если посмотреть со стороны Кенегеса, на фоне привольно раскинувшегося села выделялась красавица-церковь. Если уж упомянул Покровскую церковь, то об этом храме не вспомнить нельзя.

В центре Новоспасовки была площадь, которая являлась настоящим административным, социальным, культурным, торговым центром села. В северной его части располагалось краснокирпичное здание волосного правления. Восточную часть занимала 4-классная земская школа (там теперь почта). Дальше – аптека. С юга площадь обрамлял базар – деревянные амбары, называемые в народе «гамазеями». Западную часть площади застроили торговыми домами различных династий: Чертки, Биды и другие торговые фамилии. В углу, сбочь дороги на Мариуполь, напротив школы, возвышался банк. Насколько успешно он функционировал, сказать не могу, но ссуды в нем получали – на то он и банк. А вот архитектура у него чудесная. А в самом центре возвышалась красавица-церковь Спаса. Выстроили ее в честь

заселения местности времен глубокой давности новоспасовцами. Закладка церкви состоялась в 1857 году. И построили ее быстро.

На восточной окраине села в створе дороги на Зелену (Урзуф) с 1906 по 1914 год была построена больница, состоявшая из семи зданий. В 1920-х годах мне пришлось посещать это прекрасное заведение. Все внутри в ней сверкало умопомрачительной чистотой.

Коль начал я так скрупулезно вещать на бумаге о мельницах, то следует, наверное, рассказать об обязанностях мирошника. Тем более, что знаю о них из собственного опыта работы на ветряках в годы моей юности – самой счастливой поры жизни человека, родившегося в простой крестьянской семье.

В работе мирошника и работе млына основное значение имел ветер. В зависимости от силы, характера и направления ветры назывались по разному. Очень ровный и сильный ветер с северо-востока мирошники называли «верховкой». «От Гарбуза», т.е. с севера, дул «север ровный», и млын работал, как водяная мельница. Потом были еще «моряк» и «восточный» («от Хомича» и «от Головатого») – непостоянные и рвучкие. Чтобы приспособиться получше использовать ветер, опыт нужен был немалый.

Уже с 11-12 лет отец начал приучать меня к делу, надеясь сделать из меня настоящего мирошника, мастера. Мы, как я уже упоминал, жили сбочь бойкой трактовой дороги Бердянск – Мариуполь. И млын Туркота стоял у дороги на выезде из села. Рано утром мы с родителем по-взрослому поднимались ото сна и при наличии ветра готовили млын к работе: поворачивали его к ветру крыльями. Санки, предназначенные для поворота млына, стопорились за камень. В коловорот вдевался поворотный кол и накручивалась цепь. Она тянула за собой поворот до тех пор, пока крылья станут против ветра. Зачастую приходилось поворачивать млын в совершенно противоположную сторону и несколько раз перетягивать санки.

Все! Крылья ветряка направлены против ветра. Определяется его сила, с учетом чего крылья напарусовываются. Скрученные паруса распускались и завязывались особым узлом, который можно было развязать одним рывком. Млын готов к работе. Смазка, регули-

ровка, засыпка зерна – все производилось во время работы.

Идем в помещение млына. При наличии млыва в ковше поднимается гальмо. Крылья вращаются, млын начинал работать. Если ветер хорош и крепок (это, как правило, была «верховка», дувшая строго с Мариупольской дороги), то к вечеру или на утро следующего дня при подготовленных острых камнях все завезенное на млын зерно перемалывалось и выдавалось заказчикам.

Для регулировки работы млына при порывах ветра служил важиль, которым поднимался или опускался верхний камень. При усилении ветра нужно было верхним камнем давить, а при ослаблении – попускать. Вот где сказывалось искусство мирошника. Ковка камней и управление подъемом во время работы млына обеспечивали качество муки и славу мирошника.

Так и жили потомственные мирошники, вроде моего родителя. Когда отец мирошничковал у Туркота, жили мы в хорошем каменном доме, который принадлежал хозяину мельницы. Только к началу 1920-х годов у моего родителя родилось дерзкое желание заиметь собственную хату. То ли ему надоело скитаться с семьей по чужим углам, то ли задумал обзавестись собственными хоромами на предмет южной саманной хаты. И началась подготовка сразу же после страшного голода 1921 года. К 1924 году все для строительства дома было подготовлено. На восток от млына были приобретены стены разрушенной хаты,

которая принадлежала разоренному голодом Мовчану-Рецу. Со всего села стягивалось все, что могло пригодиться. Чем могли, подсобляли односельчане. И к осени 1925 года дом был построен.

То, что было со мной в детстве, запомнилось очень детально. Даже события 60-летней давности в памяти вырисовываются очень точно, со всеми подробностями.

В середине января 1924 года в нашей семье произошло несчастье. Отец мой, работая ночью на мельнице, упал с верхнего этажа, но благодаря обильно выпавшему в тот год снегу и тому, что был хорошо одет, остался жив. А через несколько дней, когда отец отлеживался в постели, а мать и старший брат мирошниковали, я и все, кто был в тот день на Покровской площади, услышали печальную новость – умер Ленин.

День 24 января я отчетливо помню. Гудели гудки в городе. Их было хорошо слышно в селе. Все приняли близко к сердцу печальное известие. Какой был траур в селе, я не знал. Дальше мельницы не ходил, а отец был прикован к постели и ничего не мог сообщить. Все узнавали от людей, которые приходили молоть зерно.

Отец понемногу поправлялся. Как-то в начале февраля пришли к нему друзья-мирошники Самбур, Сосой Малый, Петр Кийко, принесли ведро самогона. Сей напиток был очень распространен в 1920-х годах. Самогон выпили совместно с моим родителем. И случилось чудо: после выпитого отец поднялся, одел иршанку (так назывались верхние зимние штаны из кожуха), обулся, оделся – погода стояла ветренная, дула «верховка». Начиная с 4 часов пополудни и до утра следующего дня отец перемолол все, что было в млыне, было много-много. Утром остановил млын – жизнь пошла своим чередом. Отец выздоровел.

Где-то в конце 1925-го года хозяин мельницы завел с отцом разговор. Я, по выражению моих родителей, всегда путался под ногами у взрослых и потому запомнил, о чем тогда толковали. Хозяин уже чувствовал приближение грозных событий 1930-х годов: перестройки села на новые рейки. Он предвидел, что млын у него все равно отберут и хотел подарить его моему отцу. Отец ответил: ветряк – штука хорошая, но его могут сжечь, как пожгли в гражданскую войну, а вот у нас под млыном лежит железнодорожный рельс, подарите. Хозяин ответил: ну и бери рельс, если ты такой дурак. Ветряки потом все до одного сожгли в 1943 году и не восстанавливали. А из рельса отец сделал сволок в

доме. И сохранился этот рельс в доме зятя моего Кузьмы Николаевича, напоминая про отца моего, Туркота и золотое мое детство. А ветряков нет!

Туркотов млын! О нем у меня остались самые яркие и прекрасные воспоминания. В 1925 году задумали поменять на нем деревянную головку вала на чугунную. Отлили ее в городе на заводе Джона Гриевза. Установка была делом трудоемким, требовала от исполнителей умения, сноровки и физической силы. Весила чугунная головка ни много ни мало – более 300 пудов, т.е. до 5 тонн. Надо было отрезать деревянную головку вала по самую «шию», сделать 2-метровый крестообразный разрез, вытащить чугунный вал наверх при помощи системы блоков и канатов, которые имелись в некоторых млынах, их брали напрокат (а то и бесплатно). Млын останавливали. Операция стягивания вала продолжалась три дня. Мы, мальчишки (а я был хозяином положения!), не отходили от млына. Даже поесть забывали.

Годом позже заменили верхний вращающийся камень. На мельнице Тур-

кота он был самый большой в селе и весил 200 пудов, т.е. свыше 3 тонн. Это был вытесанный из специально подобранный камень правильный круг девяти вершков в радиусе – так называемый «девятерик» (были восьмерики и семерики – в зависимости от радиуса). Толщина его была 70-90 см, и состоял он всегда из двух частей, скрепленных двумя шинами. Этот камень-жернов вытаскивали в верхнюю часть млына при помощи блочново-полиспастной системы. Его воздвигали на место, наковывали мельничные дорожки. Подготовка жернова к работе называлась ковкой камней. В зависимости от ветров она повто-

рылась 1-2 раза в месяц. Это было настоящее искусство в мельничном деле.

Самое золотое время для нас, детей, было лето, особенно, когда поспевали дары природы: яблоки, груши, помидоры, сливы и главное лакомство – кавуны и дыни. В субботу и воскресенье с дальних полей, именовавшихся «старое» и «покосна», везли их в село. Каких только цветов и раскрасок не были кавуны: черные, серые, совсем белые, полосатые, зеленые. А дыни! «Зимницы» – неимоверно сладкие и ароматные, «качанки» – с твердой сердцевинкой из семечек.

Была у детворы традиция. Несмотря на то, что в каждом доме были свои кавуны и дыни, мы выходили на дорогу и просили: «Дядько, дайте кавуна». В ответ на что слышали: «В тебе батька нема»... и получали самый спелый кавун ко всеобщей радости. Кавунов и дынь напрашивалось множество. Никто их не резал. Разбивали об колено или подвернувшийся камень, и начиналось кавунячье чревоугодие. Ситцевые рубашонки после такого пиршества становились грязными и твердыми, как жезь. Вечером получали порцию тумачков и подзатыльников. Но на утро рубаша стараниями дорогих матерей или старших сестер была чистая и одевалась, как новая.

Трудолюбив был житель Новоспасовки. Ох, трудолюбив! Были в селе и плотники, и каменщики, и мирошники, были кузнецы, валютники, сапожники (шевцы), портные. Мне посчастливилось увидеть настоящее мастерство в нескольких древних профессиях: мирошника – это был мой отец, плотника – тоже был мой отец, колесника – тоже был мой отец. Я был просто влюблен в работу моего отца, хотя работа была вручную, нелегкая, вредная для здоровья, особенно – мирошника. И многому я научился у своего отца. Освоил прекрасные профессии бондаря, жестянщика, плотника, мирошника, колесника и прочие. Они потом очень пригодились после того, как в 1927 году Туркот продал свой млын. Отец остался не у дел, занимался мирошником к Кротту (был такой богатый человек, жил в районе мяскокомбината), а потом занимался домашними делами.

Когда началась малая коллективизация, в селе была создана промышленно-кооперативная артель «Тавричанська бричка». Находилась она в здании, рас-

положенном на месте теперешней школы-десятилетки. Много трудолюбивых жителей села, отменно знавших ремесло колесника, кузнеца, плотника, поступили в артель. Здорово работали колесники Выхристы-Дубинские, Проценко,

мой отец, Мараховский, Дубинский, Терентий-кузнец, Гусак-плотник, Бондарев. Там же работал мой брат Юхим, а я носил им с отцом обеды. Часами сидел и наблюдал работу колесников.

Изготовление колес – какая это была ювелирная работа. На ножном токарном станке точилась ступка из акации (крепкое дерево в наших краях). Оковывалась она металлическими рифами. Вручную долбили отверстия под спицы. Потом – натяжка обода и полная оковка колеса. И бричка делалась вручную – до дышла.

Ну, и какие же красавицы выходили из-под рук новоспасовских умельцев! А звон! Был слышен за 2-3 версты. Это не какой-то там скрип немазанного колеса, а звон настоящей тавричанской брички. В четверг или пятницу сцеплялись несколько таких ходов и отправлялись на Доншину для продажи на ярмарках. На сих торжищах изделия новоспасовских мастеров раскупались очень быстро и с большой охотой.

Начался бурный период коллективизации. Кулаки ликвидировались как класс! Все ветряные мельницы были национализированы и перешли в созданные колхозы. Гарбузив млын оказался на балансе артели «Червоний орач». Туркотов перешел в колхоз «Ударник», Криволапенкив – в «Заветы Ильича», Шимана – в артель «Искра», И.Щербаня – в артель им. Ворошилова. А млыны Лебидя и Метелика перед самой коллективизацией были спалены то ли хозяевами, то ли их врагами. Клацупский млын разобрали. На Кийковой площади млын Протасенко Давида перешел в

артель «Пролетар», Щербаня Терешка – в колхоз «Червоний клич», а Щербаня Васыля – в артель им. Котовского. А работали в них Макар Криволапенко, Андрей Гарбуз, Илья Якимец, Малый Григорий, Щербина Иван, Протасенко Кирилл, мой отец – Кирилл Соколов, Щербань Василий.

После организации колхозов стали получать трактора. В артели «Червоний орач» получили английский «Интернационал». Первым трактористом на нем был Пидус Юхим. А отец мой соорудил постав, т.е. тот же млын, но без крыльев, жернова вращались от трактора. Таких поставов в селе было штук шесть. Ветряки и поставы обеспечивали нужды коллективных хозяйств и жителей села мукой для хлеба, дертью для фуража и поддерживали нормальную жизнь села.

В 1941 году случилось немецкое нашествие, которое продолжалось с октября 1941 года до сентября 1943 года. Все мельницы были спалены. Это стало концом существования ветряных мельниц. Память о них остается только в музеях и летописях, подобных той, которая была предложена вам для ознакомления.

1985-1986 гг.

(«Азовский вестник», № 35-39, сентябрь-октябрь 2002 года).

Немецкие колонии Бердянского уезда.

«Фельетон.

Письмо из Бердянска.

13-го мая, при прекрасной весенней поре, случилось мне выехать из Бердянска в одну из дальних окольных немецких колоний Пришиб (Мелитопольского уезда), на противоположной стороне которой красиво расположена колония Гальштадт, принадлежащая Бердянскому уезду. Известно, что река Молочная служит гранью, разделяющею поселения меннонитов, что на западном ее берегу, от лютеран и некоторой части католиков, занимающих восточный берег. Удаляясь несколько от колон. Штутгардт, невольно изумляешься поразительной перемене: чудное устройство и добрый порядок громко прославляют копотливость и неослабное трудолюбие немцев, составляющая прочное основание их незыблемаго благосостояния. И в самом деле, вспомните прежнее состояние пространства, ныне удобренного и улучшенного этим народом: вы убедитесь,

что таким приобретением, каковы немцы-колониисты, надобно гордиться и в то же время с чувством признательности благоговеть пред памятью Екатерины Великой. Царствование ея, быв дальнейшим развитием царствования Петрова, не только осуществило с блестящими результатами мысли и гениальныя начинания Великаго Преобразователя, но и породило новаго, сообразныя с современным духом.

На разстоянии семидесяти пяти верст от города открываются пять селений: Мариенталь, Порденуа, Шардау, Александерталь и Елизабетталь. Они образуют как бы длинный и очаровательный сад, разливающий на уютные мазаные, редко каменные, дома приятный запах и прохладу. Неподалеку от названных селений лежит поместье Штейнбах, существующее уже более сорока пяти лет. Нельзя не отдать полной справедливости владельцу его, г-ну Шмидту, который, совместно с своими наследниками, тридцать с лишним лет неутомимо трудится над его усовершенствованием. И за то тысячи неудобств, представлявшихся им на каждом шагу в пустыре, каким было первоначально описываемое место, теперь побеждены. Благодаря почтенному, истинно гостеприимному старику мне предоставлено было все осмотреть, и везде нашел я доказательства разумной и естественной последовательности!

Особенное внимание сосредотачивается на частном училище, учрежденном г-м Шмидтом, на собственном его иждивении, с истинно-благодетельным и полезным намерением; в этом училище получают достаточныя приуготовительная знания до 50-ти воспитанников, считая в то число и приезжих. Предметы, преподаваемыя в училище, суть следующие: закон Божий, арифметика, гео-

графия и поверхностное изучение истории; языки: русский и немецкий, и, кроме того, пение и рисовальное искусство.

Таким образом дети, находясь под непосредственным надзором молодого учителя, уроженца соседней слободы (он обязан настоящим своим положением виновнику всего мною излагаемого), и будучи удалены от примеров порока, неощутительно для них самих направляются к подробнейшему ознакомлению с делами христианской добродетели. Все развлечения сливаются у них в одно – невинные игры, которые, укрепляя телесные их способности, решительно не вредят постепенному раскрытию душевных. Кажется, что важнейший закон воспитания, по которому все, исходящее от сердца, возвращается к сердцу, здесь понят и имеет значительное влияние.

Сделав еще около сорока верст, достиг я, наконец, в воскресенье, 14-го н. м., в 3 часа пополудни, до цели моей поездки, где и провел трое суток. Пришиб, равно как и Гальбштадт, отстоит от нашего города верстах во ста двадцати.

Зима 1849-1850 года, по наблюдениям здешних колонистов, конечно, не безусловно точным, наступила в первых числах ноября, когда были слабые морозы, не превышавшие 5-и градусов по Реом.; далее они стали в известной мере увеличиваться, потом несколько уменьшались, перемежаясь с оттепелью и дождями, от которых, как равно и от безснежия, делалась страшная бездорожица, что препятствовало правильности сообщений. В этом заключается объяснение того, что ни зерновой хлеб, которого, правда, находились на складе ограниченные количества, ни прочия сельские произведения совсем не были подвозимы в Бердянск.

Морозные дни наиболее были замечены в январе, и холод доходил до 22-х градусов по Реомюру, в степях же до 23°. Господствующие ветры были NO и SO, довольно часто O. NO большею частью дул чрезвычайно порывисто и часто сопровождался порядочными метелями. Хотя снег выпадал, как уже замечено, весьма необильно и только наносило там и сям сугробы его, которые вскоре исчезали, однакож две недели слой его покрывал почти повсюду поверхность замерзшей земли постоянное обыкновенного; езда на санях в колониях тогда не почиталась редкостью. За тем одну неделю была гололедица, по которой также продолжали ездить на санях. Вообще, выводят заключение, что истекшая зима ознаменована была изменчивостью и крепко-упорною длительностью, столь несвойственною южному климату. В температуре, равным образом, происходили проявления или, лучше, переломы, которым подобные очень и очень немногие запомнят. В зимовле скота не случалось затруднений, потому что запасы сухого корма, сколько требовалось, были у всякого хозяина, и что всего прибыточнее, скотоводство сохранено целою. Сравнивая после этого колонистскую зиму с бердянской, можно полагать, что она, почти во всех отношениях, была сходна...

...Скот, по преимуществу овцы и лошади, довольствуются превосходным и сытным подножным кормом. Здоровье поселян-немцев не подвержено тяжелым недугам, за исключением больных лихорадками, которые в это время года приобретают там более значения.

М. Митрович.

Бердянск, 22-го мая 1850 г.».

(«Одесский вестник», № 50, 24 июня 1850 года).

ОСМД (объединение совладельцев многоквартирного дома) – это неприбыльное юридическое лицо, созданное собственниками жилых и нежилых помещений для совместного распоряжения, содержания и управления своим домом и придомовой территорией. То есть ОСМД создается на основе права совместной собственности и представляет лишь совладельцев недвижимости, чтобы решать, кто будет обслуживать дом, какая будет квартплата, кому сдавать в аренду нежилые помещения и т.д. Бердянск стал пионером создания

объединений совладельцев многоквартирных домов в Украине. Вот что писала газета «Південна зоря» 16 октября 1999 года:

«В Бердянске появился первый кондоминиум.

На сегодняшний день более 66 проц. квартир в многоэтажных домах уже приватизированы горожанами. То есть на

эти 66 проц. многоэтажки являются частной собственностью проживающих в них бердянцев. Дальнейшим логическим этапом этого процесса является создание объединений совладельцев многоквартирных домов-кондоминиумов, когда жильцы сами управляют своим жильем и решают, сколько платить за квартиру, кого нанимать для ремонта подъезда, по своему желанию ставят счетчик, учитывающий реально поданное в дом тепло, и т.д. Так происходит во всем мире. И процесс этот идет снизу. Свое – оно всегда свое.

Есть уже первая ласточка и в Бердянске. 7 октября на заседании горисполкома впервые в городе было зарегистрировано объединение совладельцев многоквартирного дома «Дружба» по адресу: пр. 12 Декабря, 7. Создано это объединение на базе жилищно-строительного кооператива. Цель: управление, содержание и использование имущества жилого дома и придомовой территории. Что из этого выйдет в нынешних условиях – посмотрим. В теории, судя по мировому опыту, все вроде бы должно быть лучше, чем есть сегодня. Но... жизнь покажет».

Это было настоящим прорывом, Бердянск одним из первых пошел по новому и тогда еще неизведанному пути. Десять лет показали, что ОСМД работа-

ют и показывают неплохие результаты – большая часть средств, собираемых в качестве квартплаты, уходит на содержание самого дома, а это неоспоримый плюс по сравнению с жилсервисами.

В Бердянске зарегистрировано более 120 ОСМД (организация совладельцев многоквартирных домов), которые объединяют почти 200 жилых домов. В объединения совладельцев Бердянска входит более 50% жителей города.

Почти все дома, в которых созданы ОСМД, находятся на балансе коммунальных предприятий. Опыт показал, что ОСМД способны содержать жилые дома при тарифах ниже, чем у коммунальных жилсервисов. В связи с этим многие с интересом подходят к созданию общества совладельцев, но здесь, как и в любом другом деле, нужны знания и навыки. Основная проблема в том, что ОСМД фактически работают вне правового поля.

Большинство председателей ОСМД в Бердянске не имеют необходимых навыков, не владеют нормативно-правовой базой, а в городе нет системы подготовки и обучения таких кадров. Еще одна проблема состоит в том, что прежде чем передать дом на баланс ОСМД, бывший собственник, то есть городская власть, обязана хотя бы на 80% выполнить капитальный ремонт дома.

Также на многие дома отсутствует техническая документация, что делает невозможным передачу их с баланса на баланс. Еще один момент – это противоречие одного закона другому. У многих администраций ОСМД фактически нет помещений, где они могли бы проводить прием граждан, а вся бухгалтерская документация хранится на дому у бухгалтера, учетные карточки – дома у паспорта. В то же время чем больше домов входит в состав одного ОСМД, тем более эффективно оно работает, а правление может направлять средства на самые проблемные участки, постепенно закрывая все узкие места. В настоящее время 45% жилого фонда нашего города объединено в общества многоквартирных домов, позволяющих людям самостоятельно решать проблемы обеспечения жизнедеятельности дома, в котором они живут. К 2014 году этот показатель планировался быть доведенным до 70%.

Осипенко – город Бердянск, который 17 июля 1939 года был переименован в город Осипенко (в честь погибшей геро-

ической летчицы П.Д.Осипенко). 10 января 1939 года была создана Запорожская область, в которую вошел и город Осипенко.

Прежнее название городу вернули в 1958 году.

Пологи – город в Запорожской области. Административный центр Пологовского района и Пологовского городского совета, в который не входят другие населенные пункты.

Город Пологи находится в основном на левом берегу реки Конки, выше по течению примыкает село Воскресенка, ниже по течению – село Инженерное, на противоположном берегу – село Пологи.

По археологическим раскопкам, территория была заселена еще в III-I тысячелетиях до н. э. В кургане «Соколовский» обнаружены 17 погребений преимущественно эпохи меди и бронзы и одно – сарматское, I-II вв. н. э.

В 1887 году в связи со строительством железной дороги Екатеринослав – Бердянск возник рабочий поселок Пологи, в 1894 году здесь была построена железнодорожная станция, с 1904 года в связи с развитием железнодорожного сообщения поселок превратился в железнодорожный узел.

После создания 7 марта 1923 года Пологовского района поселение стало районным центром. В 1928 году поселение было переименовано в поселок городского типа Чубаревка, в 1937 году – переименовано в пгт Пологи. В декабре 1938 года Пологи получили статус города.

По состоянию на начало 1955 года в городе действовали маслодельный завод, птицекомбинат, кирпично-черепичный завод, предприятия мукомольной промышленности, предприятия по обслу-

живанию железнодорожного транспорта, железнодорожное училище, дорожно-техническая школа, одна семилетняя, три средние и пять начальных школ, Дом культуры, 10 библиотек и клуб.

В 1974 году население города составило 21,8 тыс. человек.

В 1975-1977 гг. был построен и введен в эксплуатацию Пологовский маслоэкстракционный завод.

По состоянию на начало 1982 года в городе действовали предприятия по обслуживанию железнодорожного транспорта, завод «Коагулянт», металлоштамповочный завод, завод строительных материалов, маслоэкстракционный завод, завод продовольственных товаров, маслодельный завод, комбикормовый завод, Приазовское рудоуправление, птицекомбинат, райсельхозтехника, райсельхозхимия, комбинат бытового обслуживания, дом быта, два профессионально-технических училища, 8 общеобразовательных школ, музыкальная школа, художественная школа, две больницы, два дома культуры, 4 клуба, кинотеатр, 6 библиотек и краеведческий музей.

В 1989 году численность населения составляла 25 336 человек.

В 1997 году два находившихся в городе ПТУ № 13 и ПТУ № 30 объединили в ПТУ № 30.

На начало 2006 года крупнейшими предприятиями города были металлоштамповочный завод, завод строительных материалов, консервный завод, маслосыродельный завод, комбикормовый завод и маслоэкстракционный завод.

По состоянию на 1 января 2013 года численность городского населения составляла 19906 человек.

Ныне в городе работают ПАО «Пологовский маслоэкстракционный завод «Славия», химический завод «Коагу-

лянт», ООО «Днепрокерамика», ЗАО «Минерал», вагонное депо, дистанция сигнализации и связи, комбинат хлебопродуктов, ЧАО «Птицекомбинат Монфорте», ООО «Завод облицовочного кирпича», «Добра глина», ООО «Художественно-керамическая мастерская».

Из объектов социальной сферы есть гимназия «Основа», колледжиум № 1, общеобразовательная школа № 4, специализированная разнопрофильная школа № 2, межшкольный учебно-производственный комбинат (МУПК), профессиональный лицей (ПТУ № 30), ДЮСШ, детская школа искусств, шесть дошкольных детских учреждений, два дома культуры, центральная районная больница, узловая больница станции Пологи.

В городе работает краеведческий музей, установлен паровоз-памятник Эр722-72 (снимок вверху), оформлены две братские могилы советских воинов.

Пологовские семь чудес.

Кирилловская крепость.

На территории современного села Семеновка есть интересная достопримечательность прошлого – остатки Кирилловской крепости. Известно, что она была центральной из 7 крепостей Днепроградской укреплённой линии, и именно с нее началось освоение и заселение территории нашего края.

Свое название крепость получила в честь последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского. Ее строительство началось в 1770 году. Сейчас от прежней крепости остались только земляные валы. Но время не сотрет память о существовании крепости, положившей начало заселению края.

Каолин.

Не каждый район области может похвастаться наличием на своей террито-

рии залежей полезных ископаемых. Пологовскому району в этом отношении повезло. В его недрах скрыты значительные залежи хорошо известной глины Пологовского месторождения.

Каолины и глина – прекрасное сырье для изготовления керамики, бумаги, картона, пластмассовых и резинотехнических изделий, искусственных кож и тканей. Используется это сырье в огнеупорной, металлургической промышленности и др.

Сейчас горняки Пологовщины представляют свою продукцию не только на отечественный рынок, но и за пределы страны – в Италию, Испанию, Германию, Польшу, Францию, Турцию и другие.

Итак, Пологовская глина – незамеченное сырье для многих предприятий и одно из ценнейших природных сокровищ нашего края.

Каменные статуи.

Одним из чудес нашего района можно считать каменные статуи или, как их еще называют, каменные «бабы», «идолы», «болваны». Раньше их было много в степях Украины и на Пологовщине также. Сейчас не встретишь этих каменных скульптур в степи. Большинство из них разрушены, вывезены или использованы не по назначению.

Во дворе Пологовского районного краеведческого музея можно увидеть уникальную коллекцию этих «стражей тысячелетий», которые в разные годы были бережно собраны вместе. Есть среди них и совсем уникальная – высотой всего 69 см. Все они – бесценное историко-культурное наследие края.

Река Конка.

На территории Пологовского района более 80 водоемов, среди которых 4 реки: Вербовая, Гайчур, Конка и Малая Токмачка. Наибольшей среди них и, безусловно, самой известной является река Конка.

Свое начало берет она в Бильмаком районе, откуда течет двумя рукавами – Мокрая Конка и Сухая Конка. Ручьи образуют реку в селе Конские Раздоры и дальше несут свои воды в Днепр и Каховское водохранилище. Известно, что в XIX в. ширина русла реки была от 20 до 40 метров, поэтому и не возникает сомнений, что когда-то она носила по своим волнам и казацкие чайки, и турецкие галеры. С годами река стала значительно меньше, а летом и вовсе мелеет и пересыхает. Но от этого не теряет

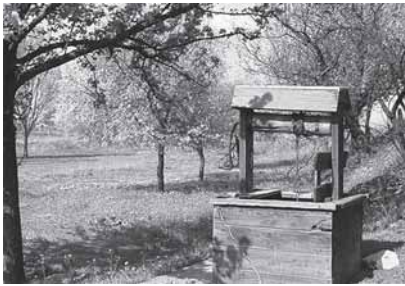
своей изначальной значимости: как и прежде, несет жизнь всему вокруг.

Говорят, что на санскрите Конка (Канак) переводится как «река-счастье».

Басанская вода.

Доказано, что вода различается не только по вкусу, но и имеет различные целебные свойства. В селе Басань Пологовского района тоже есть своя вкусная вода, к тому же, насыщенная минеральными солями. Старожилы рассказывают, что нынешнее село Басань возникло благодаря этой воде. Еще казаки высоко ценили ее вкус. Как-то рассказали они о вкусной воде в степном запорожском крае черниговским крестьянам. А через некоторое время жители села Старая Басань Черниговской губернии прибыли в наши края и на том месте с хорошей водой, которое указали казаки, основали поселение Басань.

В 1990-х годах воду отправили на анализ в Одесский институт курортологии, где и установили, что она содержит минеральные вещества, которые полезны для работы желудка, печени, почек.

Художественно-керамическая мастерская «Добрая глина».

Пологовщину справедливо называют столицей запорожской керамики. Художественно-керамическая мастерская «Добрая глина» основана супругами Виктором и Ларисой Нагурных в 1998 году. Работы семьи Нагурных – настоящая визитная карточка Пологовского края. Отцовское дело продолжает сын Андрей, который создал в Пологах художественно-керамическую мастерскую «Глинка».

Храм имени Святителя и Чудотворца Николая.

В 2010 году семья Бандуровых в память о своем отце Владимире Леонидо-

виче Бандурове решила построить новое культовое сооружение – вместо разрушенного в 30-х годах прошлого века.

Возведение храма в селе Пологи проходило согласно церковным канонам: сначала освятили место под строительство, а через год после торжественной молитвы освятили закладку первого камня. Храму вернули прежнее название – имени Святителя и Чудотворца Николая. Деревянная новостройка поражает своей красотой, нарядностью, иконостасом ручной работы.

Реклама Бердянска в 2017 году.

Чем больше жителей Украины узнают о преимуществах отдыха и оздоровления в Бердянске, тем больше к нам приедет отдыхающих. Эта аксиома стала причиной того, что с весны 2017 года наш город активно рекламировался в разных городах Украины.

Начальник отдела рекламы, курорта и туризма Виктория Мищенко рассказала, что на реализацию всех мероприятий по популяризации Бердянска было выделено 1,935 млн. гривен. За эти средства:

- брендировали вагоны поезда Киевского метрополитена;

- разместили рекламу на метролайтах в киевском метро;

- транслировали проморолик об отдыхе в Бердянске на национальных телеканалах «Интер» и «Пиксель», а также в сети супермаркетов «Эпицентр»;

- разместили рекламу в вагонах поезда «Интерсити»;

- транслировали эфирный ролик на ведущих радиостанциях и в кинотеатрах страны;

- разместили рекламу города, в виде социальной рекламы, на ситилайтах в других городах;

- в июле-августе разместили рекламу на 50 остановках общественного транспорта во Львове, Харькове и Днепре;

- под «бердянскую» рекламу с июня по сентябрь забронировали троллейбусы, трамваи, маршрутки в Днепре, Харькове, Запорожье, Львове, Полтаве и Кривом Роге;

на участках трасс, ведущих в Бердянск: Харьков – Симферополь, Одесса – Мелитополь, Энергодар – Бердянск и Борисполь – Запорожье дополнитель-

но разместили 10 знаков дорожного ориентирования с указанием расстояния, которое осталось проехать до нашего города.

Кроме того, со 2 по 4 июня в Бердянске проводился 19-й Всеукраинский фестиваль журналистов «Азовское лето-2017». В нем приняли участие более 70 представителей средств массовой информации из 12 регионов Украины. После завершения фестиваля участники в своих изданиях опубликовали и выпустили в эфир материалы о нашем городе.

«Умные лавочки» на площади Единства.

Общими усилиями неравнодушных жителей Бердянск становится современным европейским городом. Благодаря инициативе комитета микрорайона Центр и при поддержке городских властей впервые был воплощен в жизнь проект «Умная лавочка». На его реализацию из местного бюджета было потрачено 10 тысяч гривен грантовых средств, которые комитет микрорайона получил в рамках социальной программы по обеспечению поддержки органов самоорганизации населения.

Бердянцы и гости города получили возможность бесплатно заряжать телефоны, планшеты и другие гаджеты прямо посреди улицы. Для комфорта людей пункты пользования устройствами

были установлены рядом с четырьмя лавочками и защищены от ливней и попадания прямых солнечных лучей (снимок справа).

7 августа 2017 года работники КП «Горсвет» на площади Единства оборудовали стойки солнечными батареями и розетками с USB-разъемами, а 8 августа состоялось торжественное открытие зоны (снимок внизу). Городской голова Владимир Чепурной поблагодарил инициаторов проекта за их стремление менять Бердянск к лучшему и воплощать полезные для города идеи. Владимир Павлович вручил председателю комитета микрорайона Центр Инне Щетининой и руководителю КП «Горсвет» Валерию Горлову благодарности.

— Мы начали активную работу с председателями комитетов. Если инициативные жители всех микрорайонов будут вместе с городскими властями внедрять подобные проекты, то наш город будет становиться с каждым годом краше, — убежден мэр.

Еще одним приятным подарком для всех присутствующих стала песня о родном городе в исполнении коллектива вокального ансамбля «Шанс».

